

ИРЛАНДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Всемирная литература (новое оформление)

Сборник

Ирландские легенды и сказания

«ЭКСМО»

УДК 398.21(417)
ББК 82.3(4Ирл)-6

Сборник

Ирландские легенды и сказания / Сборник — «Эксмо»,
— (Всемирная литература (новое оформление))

ISBN 978-5-04-197113-7

Мир ирландской мифологии полон магии, битв, чудес и опасностей. В этой книге вас ждут древние предания о Луге, Кухулине и Финне в переложении леди Изабеллы Августы Грегори. В них неотделимо сосуществуют история и псевдоистория, боги и герои, язычество и христианство, сказка и реальность, общечеловеческое и ирландское. Эти увлекательные повествования захватывают дух и приобщают к удивительной культуре ирландского народа.

УДК 398.21(417)

ББК 82.3(4Ирл)-6

ISBN 978-5-04-197113-7

© Сборник
© Эксмо

Содержание

Об ирландцах и ирландских сказаниях	6
Боги	10
Завоевание Ирландии племенами богини Дану	10
1. Война с фирболгами	10
2. Король Брес	12
Луг Длиннорукий	16
1. Луг в Таре	16
2. Сыновья Туиреана	20
3. Великая битва в Маг Туиред	30
4. Тайный дом Луга	35
Гаэлы	37
Гаэлы	37
1. Высадка гаэлов	37
2. Битва в Тальтиу	39
Бессмертные	41
1. Бодб Деарг	41
2. Мананнан	43
3. Волна Клиодны	44
4. Кондла	45
5. Тадг на островах Мананнана	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирландские легенды и сказания

Перевод и вступительная статья Людмилы Володарской

© Л. Володарская, перевод, предисловие, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Об ирландцах и ирландских сказаниях

В России знакомство, прямо скажем, восторженное знакомство с кельтскими сказаниями началось чуть больше двухсот лет назад и довольно необычным образом.

...«Ты ль это?...» – возопил герой
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

Ну конечно, Александр Сергеевич Пушкин – «Кольна. Подражание Оссиану», примерно 1814 год. Первое же в русской поэзии стихотворение на сюжет Оссиана было написано Иваном Ивановичем Дмитриевым (1760–1837) в 1788 году, когда во время войны со Швецией поэт находился в Финляндии. Из последовавших за этим переложений «Поэм Оссиана» и откликов на них можно составить довольно толстый том прекрасных стихов В. В. Капниста, В. Л. Пушкина, Д. В. Веневитинова, С. Н. Глинки, А. И. Писарева, М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Н. С. Гумилева и многих других, а ровно через сто лет после Пушкина другой поэт, Осип Эмильевич Мандельштам, словно подвел итог оссиановской традиции, сказав:

...Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.

Итак, кельтские сюжеты проникли в русскую литературу и навсегда очаровали ее. Но почему «необычное знакомство»? Потому что довольно скоро выяснилось, что «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765), то есть «галльские, иначе эрские или ирландские стихотворения», как бы принадлежащие барду III века Оссиану, или Ойсину, сыну Фингала, на самом деле принадлежат перу шотландского поэта Джеймса Макферсона (1736–1796), собирателя кельтских сказаний. Мистификация оказалась очень удачной не только для ее автора, но и для ирландских сказаний, которые, правда, приобрели несвойственное фольклору романтическое звучание, но зато стали известны всей читающей Европе.

Ирландцы, наследники кельтских, индоевропейских племен, издавна населяли остров Ирландия, где примерно в V веке распространилось христианство и появились монастыри, которые стали очагами книжной культуры и сыграли огромную роль в сохранении народных сказаний. Барды и священнослужители как будто заключили мирный договор, который послужил на пользу ирландской культуре. Скорее всего так и было, недаром величайшие ирландские святые – Патрик, посланец Церкви, Бригита, языческая богиня, и Колумб, бард из королевского рода¹.

¹ Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 15.

Пережив набеги викингов в VIII–XI веках, потом нормандское завоевание, Ирландия сохранила свою богатую литературную традицию вплоть до середины XVI столетия, когда английский король Генрих VIII принял титул короля Ирландии и начал политическое и военное «умиротворение» не желавшей покоряться страны. Это продолжалось довольно долго, пока в сражении при Кинселе (1601) сопротивление Ирландии не было вроде бы окончательно сломлено, потому что окончательно оно не было сломлено никогда, о чем рассказывает едва ли не непрерывная череда ирландских восстаний против английской короны.

Одно из восстаний вспыхнуло в середине XVII столетия и продолжалось с 1641 по 1652 год, но Оливер Кромвель с чудовищной жестокостью подавил его и установил такие карательные законы, что, казалось, не только независимой Ирландии, но и Ирландии как ирландской земле больше не оправиться, ведь ее вожди и воины едва ли не толпами бежали в страны континентальной Европы. Тогда-то и появилось выражение «дикие гуси», которое прижилось в отношении покинувших родину ирландцев.

Оставшихся ирландцев выселяли с их исконных земель, ирландский язык был запрещен, и хотя, как ни странно, именно XVII веку, когда можно было лишь мечтать о возрождении, принадлежит «История Ирландии», написанная Джеффри Китингом, к тому же времени относится и указ, предписывавший, по крайней мере в Мунстере, «... всех бардов и сочинителей... лишить состояния и всякого добра, заковать в колодки, покуда они не оставят свою пагубную жизнь и не обратятся к иному занятию»². Тогда-то и сложилась поговорка: «Что в ад, что в Коннахт». Но не только барды, хранители устной традиции, лишенные защиты когда-то могущественных ирландских вождей, были вынуждены бежать от всевластной английской короны, но и ирландские монахи, хранители письменной учености, искали прибежища в континентальной Европе, где в XVII веке появилось множество ирландских колледжей – в Саламанке, Антверпене, Париже, Бордо, Праге и др. В самой Ирландии в это время оставалось очень мало рукописных книг – может быть, к счастью, так как большая часть, как считалось, «пропавших» книг все же была сохранена и в конце концов вернулась на родину.

Книги шотландца Джеймса Макферсона сыграли неоценимую роль в истории кельтского фольклора, который до тех пор был достоянием бардов и монахов, если так можно выразиться, они стали границей между одной подошедшей к концу эпохой и другой эпохой, которая только начиналась. После выхода в свет «Сочинений Оссиана» общекельтский фольклор подвергся определенному пересмотру и им всерьез занялись ученые, что очень важно, ибо носителей кельтских языков было очень мало. Но, кроме того, народные сказания, легенды и песни сослужили немалую службу в создании национальных литератур Нового времени, уже на английском языке, однако укорененных в собственном фольклоре и имеющих свои яркие особенности.

Влияние кельтско-ирландского фольклора на новую ирландскую литературу, появившуюся не в один день, происходило в два основных этапа, но это не значит, что, начавшись, оно прекращалось или, скажем, прекратилось к сегодняшнему дню.

Первый этап приходится на самый конец XVIII столетия, когда после недолгого затишья Ирландия вновь бурлила, готовясь к восстанию (1798 и 1801 годов), и студенты Дублинского университета, будущие участники и руководители восстания, проявляли повышенный интерес к сохранившейся ирландской музыке и песням. В это время в университете учился Томас Мур, которому было суждено стать первым ирландским национальным поэтом со всемирной славой. И дело тут далеко не только в ирландских исторических или социальных мотивах, пронизывавших все его творчество. Например, «Ирландские мелодии» (1808–1834) сразу обрели невиданную популярность в Ирландии и оказали влияние на романтическую поэзию других стран, где также стали появляться циклы национальных мелодий. История «Ирландских мелодий» такова. В 1796 году, когда Мур еще учился в университете, было издано собрание ирланд-

² Цит. по: Похищение быка из Куальнге. М, 1985. С. 385.

ских мелодий, в основе которых лежали записи, сделанные в 1792 году Дж. Макдоннелем во время традиционного фестиваля арфистов. На них-то Томас Мур и написал свои стихи, которые получили название «мелодий» и определили новый жанр лирической поэзии, большей частью основанной на исторических и легендарных национальных сюжетах, персонажах, литературных образах, тропах и обязательно положенной на национальную музыку. А так как Мур опирался на древние мелодии, которые когда-то сопровождали некие слова, то он не мог не подчинять свои стихи ритмам, отличавшимся от тех, что были приняты в английской поэзии романтического времени. Таким образом, Томас Мур сделал две важные вещи. Во-первых, он вновь привлек внимание к ирландским сказаниям и сказкам, к реальным и вымышленным героям как далекого, так и недавнего прошлого и, главное, сделал их непременными персонажами новой ирландской литературы. И, во-вторых, он с самого начала определил существенные музыкальные особенности новой национальной ирландской поэзии, которые перешли к ней из устной традиции.

Второй этап также пришелся на очень беспокойное время – конец XIX – начало XX века – в Ирландии, когда политические и социальные претензии к Англии привели к восстанию (Дублинское восстание 1916 года, среди казненных вождей которого были три поэта). Но это время известно также движением Ирландского литературного (или культурного) возрождения, вдохновителем которого был ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс, нобелевский лауреат 1923 года, заявивший о себе поэмой «Странствия Ойсина», которая написана как диалог святого Патрика и барда Ойсина, вернувшегося из Страны Вечной Юности, и почти в точности повторяет одну из древних легенд.

Св. Патрик.

Ты стар. Ты слеп, согбен и лыс.
На сердце тяжесть. Мысли разбрелись.
Три века в мире ты блуждал
И лирой бесам угождал.

Ойсин.

Все прежнее ушло с годами:
И копыта стройными рядами,
И кудри на ветру, и громы,
И танцы, и надрыв струны,
И обнаженность в час ночной...
Но песни, пусть слова их невесомы,
Доныне странствуют, как диск луны...

(Перевод А. Шарановой)

Сюжеты ирландских сказаний проникают не только в стихотворения и поэмы Йейтса, они также питают его драматургию, которая стала основой репертуара театра Аббатства – идейного центра Ирландского литературного возрождения. Кстати, в отличие от Томаса Мура, Йейтс в своих литературных исканиях не был одинок. Для Джеймса Стивенса, Джорджа Расселла, Джона Синга, великого Джеймса Джойса реалии ирландского фольклора были средствами самовыражения. Но это стало возможно только благодаря тому, что ирландские сказания и легенды не были лишь объектом сохранения и изучения для ученых мужей, но вошли в повседневную бурную жизнь страны и отдельного человека, как памятник на почтамте в Дуб-

лине трем казненным поэтам и вождям Дублинского восстания 1916 года, который изображает великого героя древности Кухулина, привязавшего себя к скале, чтобы умереть стоя.

Иейтс немало постарался, чтобы переложить ирландские древности для современного читателя, но, пожалуй, самая большая заслуга в популяризации сказаний принадлежит леди Августе Грегори, драматургу и сподвижнице Иейтса в движении Ирландского литературного возрождения, которая много времени и сил посвятила пересказу мифов на английском языке и делала это с великолепной поэтической точностью.

Наследие ирландской мифологической традиции очень велико и разнообразно, однако оно не дает возможности составить реальную историческую картину жизни на острове Ирландия, о докельтском периоде которого нам, по сути, совсем ничего не известно. Еще до Потопа явившаяся сюда со своими спутниками Кессаир не оставила каких-то заметных следов своего пребывания на этой земле. И лишь Финтан из ее свиты пережил несколько чудесных превращений в разных животных и сохранил память о многих событиях. Потом на ирландскую землю пришел некий Партолон, и с его именем связывают не только искусство варить пиво, но и первое столкновение с фоморами, демоническими существами, немало досаждавшими ирландцам в будущем. Потом был Немед, сразившийся с фоморами и потерпевший поражение, когда спаслись лишь три брата Стары, Иарбонел и Фергус. Потом были фирболги («бешеные») – воины, с которыми связывают упрочение королевской власти и разделение Ирландии на пять королевств, и божественные племена богини Дану, которые принесли в Ирландию четыре сокровища – меч Нуады, котел Дагды, копье Луга и камень Лиа Файл. В сказаниях неотделимо сосуществуют псевдоистория и история, боги и герои, язычество и христианство, сказка и реальность, общечеловеческое и ирландское, рассказывая о значительных событиях в мифологизированной истории ирландского народа и об ирландском характере, каким он сложился в веках, а возможно, и в тысячелетиях.

Л. Володарская

Боги

Завоевание Ирландии племенами богини Дану

1. Война с фирболгами

Племя богини Дану, или дети Дану, как зовут их простые ирландцы, появились в Ирландии, когда землю укрывал густой туман. Они пришли с севера, и там, откуда они пришли, у них было четыре города: великий Фалиас, сияющий Гориас, Финиас и богатый Муриас, что южнее других. В каждом из них жил мудрый муж, обучавший юношей всему, что знал сам. Сениас жил в Муриасе, светловолосый бард Ариас – в Финиасе, благородный сердцем Уриас – в Гориасе, и Мориас – в Фалиасе. Из своих четырех городов дети богини Дану принесли четыре сокровища. Из Фалиаса – камень чистоты и невинности, который они называли Лиа Файл, или Камень Судьбы, из Гориаса – Меч, из Финиаса – Всепобеждающее Копье, а из Муриаса – четвертое сокровище: Котел, в котором любая еда получалась на славу.

В то время королем племени богини Дану был Нуада, но могущественнее его был Мананнан, сын Лира. А из других великих мужей мы назовем Огму, брата короля, который учил письму детей Дану, и Дайансехта, знавшего лекарское искусство, и Нейта, бога сражений, и Кредне Мастера, и Гойбниу Кузнеца. А из великих жен мы назовем Бадб, богиню сражений, и Маху, съедавшую головы мужей, polegших в сражениях, и Морриган, Ворону Сражений, и дочерей Дагды – Эйре, Фодлу и Банбу, давших свои имена Ирландии, и Эадон, няньку бардов, и Бригит, воспетую бардами, потому что велика и справедлива была ее власть. А еще она умела лечить, и знала кузнечное искусство, и первой изобрела свисток, чтобы перекликаться в ночи. Одна сторона ее лица была уродливой, а другая прекрасной. Имя же ее значит «огненная стрела». Но прежде всех великих королей была Дану, прозванная Матерью Богов.

Превыше всего остального сиды чтили плуг, солнце и лесной орех, поэтому, говорят, когда они пришли в Ирландию, то поделили ее между Коллом-орехом, Сехтом-плугом и Грай-аном-солнцем.

Недалеко от моря на родине сидов бил родник, и вокруг родника росли девять лесных орехов мудрости, вдохновения и поэтического знания. Листья и плоды опадали с них в один час, поднимая в роднике красную волну, в которой уже ждали пять лососей. Они съедали все орехи, отчего чешуя у них покрывалась красными пятнами, и если бы кому-нибудь пришлось съесть одного из этих лососей, он бы познал и мудрость, и поэзию. Семь потоков мудрости вытекали из родника и возвращались в него, и служители многих искусств утоляли из них жажду.

В первый день Белтайн, что теперь называется Майским днем, пришло в Ирландию племя богини Дану, и пришли дети богини Дану сначала в северо-западную часть Коннахта. Ничего не заметили фирболги из племени охотников, задолго до них явившиеся в Ирландию с юга, кроме укрывшего горы тумана.

В Тару к Эохайду, сыну Эрка и королю фирболгов, примчались гонцы и принесли ему весть о чужаках, объявившихся в Маг Рейн то ли из далекой земли, то ли с небес, то ли приплывших на кораблях, то ли принесенных ветром.

Гонцы думали, что король удивится, услышав о чужом воинстве, но король не удивился. Ночью ему был вещий сон, а наутро друиды сказали, что недолго ему жить в мире и покое и скоро придется его воинам встретиться лицом к лицу с сильным врагом.

Король Эохайд созвал в Таре совет, и на нем было решено послать к пришельцам могучего мужа, чтобы он говорил с ними. Выбор пал на Сренга, великого воина. Он встал со своего места, взял крепкий красно-коричневый щит, и два тяжелых копья, и меч, и железную дубинку и отправился в Маг Рейн.

Еще он не приблизился к Маг Рейн, а стражи сидов уже увидели его и послали ему навстречу своего героя Бреса с мечом, щитом и двумя копьями.

Медленно сходились герои, смотрели в оба, пока не сблизились настолько, что могли слушать и говорить. Остановившись, оба выставили перед собой щиты и смотрели поверх них. Первым подал голос Брес, и когда Сренг услышал родной ирландский язык, то немного успокоился и подошел поближе, после чего они назвали друг другу свои имена, и имена своих отцов, и имена дедов.

Много ли, мало ли прошло времени, но отставили герои щиты. И Сренг сказал, что поднял щит из страха перед тяжелыми копьями, которые Брес держал в руке. И Брес сказал, что поднял щит из страха перед тяжелыми копьями, которые Сренг держал в руке. Потом Брес спросил, у всех ли фирболгов такие копья, и Сренг позволил Бресу получше их разглядеть. Качая головой, Брес дивился на крепкие, и тяжелые, и острые на обоих концах копья, хотя и без наконечников. Сренг сказал ему, что такие копья его соплеменники называют Крайсех и они легко пробивают щиты и крушат кости, нанося смертельные раны. Он тоже внимательно осмотрел тонкие, острые, с наточенными наконечниками копья Бреса. В конце концов герои решили обменяться копьями, чтобы показать их своим воинам.

Брес сказал Сренгу, что если фирболги по-доброму отдадут половину Ирландии, то сиды будут жить с ними в мире, а если нет, то не миновать сражения.

Прощаясь, они поклялись, что будут друзьями, как бы дело ни кончилось.

Сренг возвратился в Тару, рассказал обо всем и показал копье, после чего дал королю совет разделить Ирландию и не сражаться с воинами, у которых такие копья.

Король Эохайд опять держал совет, и фирболги решили не отдавать пришельцам половину земель из опасения, как бы они не забрали все земли.

Брес тоже возвратился к своим соплеменникам и тоже показал им копье, поведав, сколь силен и могуч муж, им владевший, и они решили, что не миновать им биться не на жизнь, а на смерть.

Выбрав место получше на западе Коннахта, сиды возвели стены и выкопали рвы на равнине Маг Ниа, на краю которой стояла высокая гора Белгата, а тем временем три королевы – Бадб, Маха и Морриган – отправились в Тару, где фирболги думали, как им одолеть сидов. Волшебством наслали они на фирболгов туман и тьму, огонь и кровь, и три дня они не могли держать совет, а через три дня три друида фирболгов – Кесарн, Платах и Ингнатах – сняли чары.

Фирболги собрали войско из одиннадцати отрядов и стали лагерем на восточном краю Маг Ниа.

Король сидов Нуада послал к фирболгам бардов с вестью, что готов жить с ними в мире и дружбе, если они по-доброму расстанутся с половиной своих земель. А король Эохайд сказал бардам, чтобы они спросили ответ у вождей, собравшихся на совет. Барды так и сделали.

– Нет, – сказали вожди.

Тогда гонцы спросили, когда они начнут сражение.

– Немного погодя, – ответили вожди, – потому что нам нужно наточить наши копья и мечи, начистить шлемы да еще выковать копья, подобные вашим. Да и вы, верно, не прочь иметь побольше копий, подобных нашим.

И они договорились отложить сражение на четверть года.

Посреди лета сошлись воины для битвы. Трижды девять могучих воинов из племени сидов вышли против трижды девяти могучих воинов из племени фирболгов и ни одного не оставили в живых.

Король Эохайд послал гонцов спросить у короля Нуады, будут они сражаться каждый день или через день, и король Нуада ответил ему, что каждый день трижды девять воинов из племени сидов будут выходить на битву. Эохайду это не понравилось, но ему ничего не оставалось, как посылать против них каждый день трижды девять воинов.

Четыре дня бились два воинства. Великие победы и великие поражения были и у сидов, и у фирболгов, и много полегло могучих героев. Для тех же, кто оставался к вечеру живым, лекари готовили чаны с теплой водой и лечебными травами.

На четвертый день сиды начали теснить фирболгов. Великая жажда одолела короля Эохайда, и он покинул поле сражения в поисках воды, и с ним трижды пятьдесят его воинов. Но трижды пятьдесят сидов последовали за ними и нагнали их в Трай Эотайл. Там они вступили в жаркий бой, и в этом бою пал король Эохайд. В Трай Эотайл погребли короля Эохайда, и над его могилой поднялся высокий каменный холм.

Когда из одиннадцати отрядов фирболгов осталось всего триста воинов во главе со Сренгом, Нуада предложил им мир и любую из пяти частей Ирландии на выбор. Сренг выбрал Коннахт.

В Коннахте жил он и жили его воины, а потом жили их дети и дети их детей. Оттуда пришел Фердиад, который сражался с Кухулином, и Эрк, сын Каирбре, который убил его.

Первая битва сидов в Ирландии стала называться первой битвой в Маг Туиред.

Сиды завладели Тарой, которую еще называют Друим Каин, что значит «прекрасная гора», или Лиатдруим, что значит «серая гора», или Друим-на-Дескан, что значит «смотровая гора», – и все это названия Тары.

С тех времен в Таре живет верховный король Ирландии, и его владения простираются на север, и Гора Заложников находится к северо-востоку от сиденья короля, поля же Тары – к западу от Горы Заложников. А на северо-востоке на Горе Сидов бьет родник, названный Немнахом, и из него вытекает река, названная Нит, и на той реке была поставлена первая в Ирландии мельница.

К северу от Горы Заложников лежит камень Лиа Файл, и он грохочет под ногами всех королей Ирландии. Стена Трех Шепотов стояла возле Дома Жен, в котором было семь дверей на восток и семь дверей на запад, и в этом доме пировали короли Тары. А еще там был Дом Тысячи Воинов, и возле него, с южной стороны, – невысокая Гора Воительниц.

2. Король Брес

Нуада одержал победу, но потерял в поединке со Сренгом руку, отчего в народе началась великая смута.

Сиды твердо блюли закон, который гласил, что королем может быть только прекрасный обликом муж. Поэтому Нуада, потеряв руку, вместе с нею потерял право на королевство.

Вместо него сиды избрали Бреса, самого прекрасного юношу из племени сидов, и если кто-то желал похвалить красоту равнины или крепости, эля или огня, жены, или мужа, или коня, он говорил: «Прекрасен, как Брес» или «Прекрасна, как Брес».

Матерью его была жена из племени богини Дану, а имени его отца не знал никто, кроме нее.

Несмотря на красоту Бреса, его царствование было несчастливym для его народа из-за фоморов, которые жили за морем или, как говорят другие, на западе возле моря и которые стали требовать от сидов дань, словно победили их в сражении.

В первый раз фоморы объявились в Ирландии задолго до сидов. Все уродливые и увечные, кто без руки, кто без ноги, они подчинялись великану и его матери. В Ирландию еще не приходило воинство непригляднее, чем воинство фоморов. С фирболгами они жили в мире и, пока фирболги владели Ирландией, не посягали на нее. А к сидам возревновали. Тяжелой данью они обложили племена богини Дану, требуя от них третью часть зерна, третью часть молока, третью часть детей, разве что дым над крышами мог подниматься без счета. Королю Бресу не хватило мужества пойти против фоморов, и он уступил им.

Брес и сам обложил данью каждый дом в Ирландии, требуя молока то от черных коров, то от пятнистых, чтобы хватило его на сто воинов. Один раз, желая его обмануть, Нехт по совету друида Финдголла, сына Финдемаса, опалил всех своих коров огнем папоротника, а потом посыпал их пеплом льняного семени. В другой раз он соорудил триста деревянных коров и наполнил им деревянное вымя черной болотной жижей. Явился Брес, пожелавший видеть, как доят его коров, и с ним был Киан, отец Луга. Когда коров подоили, Брес отпил, приняв жижу за молоко, и после этого долго не мог оправиться.

И еще Брес был скуп. Сколько бы ни ворчали вожди, их ножи не шли в дело в его доме. Сколько бы ни приходили они к нему, в нос им не бил запах эля. Брес не задавал пиров, не приглашал к себе бардов, музыкантов, певцов, арфистов, жонглеров или шутов. И поединков больше не устраивали между воинами, потому что их силу король использовал в своем хозяйстве.

Даже великий бард Огма должен был каждый день приносить с островов Мод хворост для целого войска, а он так ослабел от голода, что по дороге море отнимало у него две трети его ноши. Дагду король поставил строить укрепления, потому что он был искусным строителем, и вскоре вокруг Рат Бриз появился ров. Дагда очень много работал и сильно уставал, а однажды чуть не умер от голода.

Вот как это было.

В королевском доме Дагда изо дня в день встречал бездельника Криденбела, который из-за своей слепоты не стеснялся в поношениях и, жалуясь на голод, отбирал у Дагды часть его еды. Он ему говорил:

– У тебя доброе имя, поэтому три лучших кусочка ты должен отдать мне.

И Дагда отдавал. Но слепой Криденбел не довольствовался кусочками, а отбирал у него треть положенного.

Однажды, когда Дагда трудился во рву, к нему пришел его сын Энгус Ог.

– Я рад тебя видеть, – сказал Энгус Ог. – Но не заболел ли ты?

– Нет. Но я голоден, потому что каждый день слепой Криденбел требует у меня три лучших куска из положенной мне еды.

– Я тебя научу.

С этими словами Энгус Ог достал из кошелья три золотника и протянул их Дагде.

– Положи их в еду, которую ты сегодня отдашь Криденбелу, потому что нет ничего лучше золота, и оно убьет его.

Дагда все сделал, как наказал ему сын, и Криденбел, проглотив золото, умер.

– Дагда убил Криденбела, – донесли королю верные люди. – Он дал ему ядовитой травы. Король поверил наветчикам и, разгневавшись на Дагду, приказал его убить.

– Ты несправедливо судишь, король, – заявил Дагда.

Он рассказал Бресу, как Криденбел вымогал у него лучшие куски, жалуясь, что у него-де одни отбросы.

– А сегодня у меня не было ничего лучше трех золотников, поэтому я дал их ему, а он умер.

Король приказал разрезать Криденбелу живот, и, когда внутри нашли три золотника, он поверил Дагде.

На другой день Энгус Ог опять пришел к отцу.

– Ты скоро закончишь работу, – сказал он. – Когда будешь брать плату, откажись от всего, и пусть приведут к тебе скот Ирландии. Тогда пригляди черную телку с черной шеей.

Дагда все сделал, как сказал ему сын. Король спросил его, что бы он хотел получить за свой труд, и Дагда попросил черную телку. Брес подумал, что он шутит, ведь он собирался дать ему куда больше, чем одну телку.

Однажды в дом короля постучался бард Корпре, сын Этайн. Король принял его и поселил в темном домишке без света и без ложа, а вместо положенного пира в честь гостя ему принесли на ужин три черствых хлебца. Утром он проснулся, не чувствуя никакой благодарности к Бресу, и, бредя по полю, ворчал себе под нос:

– В блюде пусто, молока нет, дом не дом, тьма, хоть глаз выколи, вот и вся плата барду. Пусто в сокровищнице Бреса.

С тех пор удача отвернулась от Бреса и его дела пошли хуже и хуже день ото дня. А Корпре сочинил первую в Ирландии сатиру.

Теперь расскажем о Нуаде. Когда отрубили ему руку, он долго болел, а потом лекарь Дайансехт соорудил ему руку из чистого серебра, и все пальцы на ней двигались, как живые. С тех пор Нуада стали звать Нуада Аргат-ламх, что значит Нуада Среброрукий.

У лекаря Дайансехта был сын Майах, который превзошел отца в лекарском искусстве. Однажды в Таре он встретил одноглазого юношу, и тот попросил его:

– Если ты ученый лекарь, вставь мне новый глаз на место прежнего.

– Хочешь глаз вон того кота? – спросил его Майах.

– Хочу, – ответил юноша.

Майах вставил ему в глазницу кошачий глаз, но юноша вскоре пожалел об этом, потому что едва он вечером ложился спать, как глаз начинал искать прошемыгнувшую мышь или пролетевшую птицу, а когда днем ему хотелось посмотреть на проходившее мимо воинство или на игры воинов, глаз сам собой закрывался.

Майаху не понравилось, что его отец заменил королю руку на серебряную, поэтому он разыскал отрубленную руку Нуады, купил ее, принес и приставил к плечу короля, приговаривая:

– Мясо к мясу, жила к жиле.

Три дня и три ночи не отходил он от короля. В первый день он приложил руку к его боку, во второй день – к его груди, чтобы на ней выросла новая кожа, в третий день он укрыл ее почерневшим на огне камышом, и к концу этого дня король был здоров, словно и не болел никогда.

Взревновал Дайансехт, увидев, что его сын искуснее его. Он поднял меч и срезал с его головы кожу, но Майах с легкостью излечил себя. Тогда Дайансехт вновь поднял меч на сына и ранил его до кости, но и на этот раз Майах излечил себя. Тогда он ударил его мечом в третий и в четвертый раз, и бил до тех пор, пока не разрубил на кусочки мозг. Он знал, что ни одному лекарю не под силу с этим справиться. Майах умер, и отец похоронил его.

На могиле Майаха выросло травинок ровно столько, сколько было у него костей и сухожилий, – триста шестьдесят пять травинок. Пришла Айрмед, расстелила на земле свой плащ и разложила их как положено. Однако Дайансехт подглядел за ней и перемешал все травы, так что до сих пор никому не ведома их истинная сила.

Сиды увидели Нуаду таким, каким он был прежде, и пришли в Тару к Бресу просить его отказаться от королевства. Пришлось ему согласиться на их просьбу, хотя ему этого не хотелось, и Нуада вновь стал королем.

Брес не пожелал стерпеть обиду и стал думать, как ему отомстить тем, кто отнял у него королевство. Думал он, думал и надумал собрать войско, чтобы идти войной на своих бывших

подданных. Но сначала он отправился к своей матери Эри, дочери Делбайта, и потребовал от нее назвать ему имя отца.

– Назову, – сказала она.

Так Брес узнал, что его отец – король фоморов Элат, сын Делбаеха. Он приплыл к его матери на большом корабле из чистого серебра, который она не очень хорошо рассмотрела. Был он тогда юный и светловолосый, и одежды на нем были из золота, и пять золотых колец обвивали его шею, и она, которая отвергла всех юношей-сидов, подарила ему свою любовь и плакала, когда он покинул ее. На прощание Элат подарил ей перстень со своей руки и наказал отдать его только тому мужу, которому он придется впору, а потом уплыл прочь.

Эри принесла Бресу перстень, и, когда он надел его на средний палец, перстень пришелся ему впору. Вместе они пошли в горы, где она была, когда приплыл серебряный корабль, а потом спустились на берег и в сопровождении многих воинов поплыли в страну фоморов.

Когда они приблизились к чужому берегу, то, увидев на лугу много людей, сошли с корабля. Их спросили, кто они и откуда, и Брес ответил, что они приплыли из Ирландии.

– У вас есть собаки? – спросили их, потому что в те времена принято было приветливо обходиться с чужеземцами.

– У нас есть собаки, – ответил Брес.

Собак сравнили по всем статьям, и оказалось, что псы сидов лучше, чем псы фоморов.

– А кони у вас есть?

– Есть.

И кони сидов оказались лучше, чем кони фоморов.

Тогда их спросили, нет ли среди них воина, знающего толк в поединке на мечях, и сиды ответили, что самый искусный среди них Брес. Едва он взялся за меч, как Элат, который тоже был на лугу, узнал перстень и спросил:

– Кто ты, юноша?

За Бреса ответила его мать, и Элат признал своего сына. Печальным было его лицо, когда он спросил:

– Какие злые силы заставили тебя покинуть страну, в которой ты был королем?

И Брес ответил ему так:

– Не было никаких злых сил. Я сам поступал несправедливо и жестоко. Я отбирал у моих подданных все их богатства и даже их еду, а ведь до меня они никому ничего не отдавали.

– Ты плохо поступал, – сказал его отец. – О благополучии своих подданных, а не о своих сокровищницах ты должен был думать, когда был королем. Лучше было бы, если бы тебя любили, а не проклинали. Ну а сюда ты зачем пожаловал?

– Я хотел собрать побольше воинов, – ответил ему Брес, – чтобы силой подчинить себе Ирландию.

– Нет у тебя права силой брать то, что ты не удержал добром.

– Дай мне совет.

И Элат посоветовал сыну идти к верховному королю фоморов Балору Злому Глазу и просить у него совета и помощи.

Луг Длиннорукий

1. Луг в Таре

Вернув себе королевство, Нуада Среброрукий нередко задавал богатые пиры в Таре, где двери сторожили Гамалиага, сын Фигала, и Камал, сын Риагала.

Как-то раз в Тару пришел юноша и попросил проводить его к королю.

– Кто ты? – спросил его страж.

– Луг, сын Киана из племени сидов и Этне, дочери короля фоморов Балора, и приемный сын Таилте, дочери короля Великой Равнины, и Эхайда Грубого, сына Дуаха.

– Что ты умеешь делать? В Тару пускают только тех, кто владеет каким-нибудь искусством.

– Хочешь меня испытать? Я – плотник.

– Нам не нужны плотники. У нас есть плотник. Лухта, сын Лугайда.

– Я и кузнец.

– У нас есть кузнец. Колум Трех Новых Дорог.

– Я – великий воин.

– У нас есть великий воин. Огма, брат короля.

– Спрашивай еще. Я – арфист.

– Нам не нужны арфисты, потому что у нас есть арфист. Абхин, сын Бикелмоса, которого люди Трех Богов привезли с гор.

– Я – бард и умею рассказывать всякие истории.

– И бард у нас есть, а всякие истории нам рассказывает Эрк, сын Этамана.

– Я умею колдовать.

– У нас многие колдуют.

– Я – лекарь.

– И лекаря нам не надо. У нас есть Дайансехт.

– Позволь мне стать виночерпием.

– Да у нас девять виночерпиев.

– Я и с медью умею работать.

– Медных дел мастер у нас Кредне Керд.

Тогда Луг сказал:

– Пойди к королю и спроси, есть ли у него муж, который искусен, как я, и если есть, то я уйду.

Страж так и сделал. Он пришел к королю и сказал:

– У двери стоит юноша, и имя его должно быть Илданах, потому что он владеет всеми искусствами на свете. Он один может заменить всех твоих мастеров.

– Испытай его в шахматах, – сказал Нуада.

К воротам принесли шахматы, и Луг ни разу не проиграл. Когда об этом донесли Нуаде, он велел:

– Ведите его сюда. Никогда еще к нам в Тару не приходил столь искусный муж.

Страж впустил Луга. Он вошел в королевский дом и сел на место, предназначенное ученому мужу.

В зале лежал огромный камень, который едва сдвигали с места четырежды двадцать пар волов, но Огма, желая вызвать Луга на соревнование, поднял его и выбросил в окно, так что он улетел далеко за пределы Тары. Луг же, недолго думая, бросил его обратно, и камень лег на прежнее место.

Потом Луг взял в руки арфу, и мужи смеялись и плакали по ее воле, пока все не заснуло.

Нуада, оценив могущество Луга, подумал, что с его помощью непременно избавит Ирландию от дани фоморам. И он поступил так. Он сошел со своего трона и усадил на него Луга, чтобы он правил четырнадцать дней и все слышали его мудрые речи.

Родился Луг в те времена, когда фоморы часто являлись в Ирландию, а Балор, которого одни называли Балор Могучие Удары, а другие – Балор Злой Глаз, жил на Острове Стеклобашни. Корабли редко плыли мимо этого острова, потому что фоморы никого не отпускали живым.

Говорят, в старые времена, еще до того, как фирболги поселились в Ирландии, сыновья Немеда проплывали мимо острова на своих кораблях и увидели посреди моря стеклянную башню, а наверху, на крыше, существо, обличьем похожее на человека. Тогда они решили с помощью своего друида захватить башню. Но у фоморов тоже был друид, который колдовал не хуже их друида. Сыновья Немеда повернули корабли, и, когда башня исчезла, они подумали, будто разрушили ее. Но тут поднялась большая волна и потопила корабли.

Башня же стояла, как стояла прежде, и в ней жил Балор, которого не зря прозвали Злым Глазом. В одном глазу у него таилась смертельная сила, и никто из смертных не мог заглянуть в него и остаться в живых. Вот как он обрел свое могущество. Как-то раз он шел мимо дома, в котором друиды его отца вершили смертельное колдовство. Окно было открыто, и, когда он заглянул в него, ядовитый пар поднялся вверх и попал ему прямо в глаз. С тех пор Балору приходилось держать его закрытым, но, если перед ним оказывался враг, его воины поднимали ему веко костяным кольцом.

Однажды друид предсказал ему, что он погибнет от руки своего внука, а так как в то время у него была всего одна дочь Этне, то он запер ее в башне на острове и приставил к ней двенадцать жен, чтобы они стерегли ее. Балор строго-настрого наказал им беречь ее от мужского взгляда и даже имени мужа не произносить при ней.

Этне выросла и стала красавицей. Иногда она видела мужей на проплывавших мимо кораблях. Иногда они являлись к ней в снах. Но сколько она ни спрашивала служанок, они ничего ей не отвечали.

Балор, не боясь смерти, продолжал воевать и грабить, как он это делал всю жизнь, топил проплывавшие мимо корабли и совершал набеги на Ирландию.

В Друим-на-Тейн, что значит «край огня», жили три брата из племени сидов, и звали их Гойбниу, Самтайнн и Киан.

Киан владел землей, а Гойбниу прославился своим искусством кузнеца. У Киана была волшебная корова Глас Гайбненн, в вымени которой никогда не иссякало молоко. Стоило кому-то прослышать о ней, как ему хотелось взглянуть на нее, а многие и вовсе не прочь были ее украсть, поэтому приходилось днем и ночью ее стеречь.

Однажды Киану понадобилось выковать мечи, и он отправился к Гойбниу, ведя за собой Глас Гайбненн. В кузнице Киан застал обоих братьев, потому что Самтайнну тоже понадобились мечи и копья, и Киан попросил его подержать корову, пока он поговорит с Гойбниу.

Тем временем Балор все думал и не мог придумать, как ему подобраться незаметно к Глас Гайбненн. И на этот раз он был неподалеку. Увидев, что с коровой остался Самтайнн, он прикинулся рыжим мальчишкой, подбежал к нему и сказал, будто слышал, что его братья в кузнице договариваются из его железа выковать себе мечи, а на его мечи оставить что-нибудь похуже.

– Клянусь, – вскричал Самтайнн, – им так просто меня не обмануть! Подержи-ка корову, малыш, а я пойду к ним.

В ярости бросился он в кузницу, а Балор, едва взялся за веревку, как помчался прочь к морю и потом через море на свой остров, таща за собой Глас.

Киан, увидев, как его брат ломится в дверь, выскочил наружу, но Балор с Глас уже были далеко в море. Ему ничего не оставалось, как отругать своего брата, а потом он стал ходить туда и сюда, словно совсем потерял голову от горя, потому что не мог придумать, как ему вернуть свою корову. В конце концов он отправился к друиду просить совета, и друид ему сказал, что, пока Балор жив, корову он не вернет, ибо ни одному смертному нельзя заглянуть в Злой Глаз и остаться живым.

Тогда Киан отправился к жене из племени друидов по имени Байрог Живущая-На-Горе. Она одела его в женское платье и отнесла в башню, в которой жила Этне. Созвав служанок, она попросила приюта для великой королевы, попавшей в беду. Служанки, не желая отказывать жене из племени сидов, с радостью ее приняли. Немного погодя Байрог усыпила их, и Киан пошел к Этне. Едва она увидела его, как сказала, что его лицо знакомо ей по снам, и отдала ему свою любовь. А потом порыв ветра вновь подхватил Киана и унес в Ирландию.

В положенное время Этне родила сына. Балор, прослышав об этом, приказал своим слугам туго запеленать младенца, заколоть пеленки булавками и бросить его в море. Случилось так, что, когда они несли его над заливом, булавки расстегнулись – и малыш, выскользнув из пеленок, упал в воду. Слуги подумали, будто он утонул, но Байрог Живущая-На-Горе спасла его и принесла к его отцу Киану, а он отдал его в приемные сыновья Таилте, дочери короля Великой Равнины. Вот так Луг спасся от неминуемой смерти.

Говорят, Балор сам явился в Ирландию и отрубил Киану голову на белом камне, на котором до сих пор видны красные пятна, но, похоже, он отрубил голову кому-то другому, потому что Киан нашел свою смерть в бою с сыновьями Туиреана.

После того как Луг явился в Тару, чтобы вместе с соплеменниками отца бороться против фоморов, он стал думать, как им победить Балора. В Греллах Доллайд он нашел укромное место и позвал с собой Нуаду, и Дагду, и Огму, а еще Гойбниу и Дайансехта. Целый год они жили там, крепко храня свою тайну, чтобы фоморы ни о чем не проведали, пока они не подготовятся как следует и не соберут большое воинство. С тех пор это место называют Шепот Детей Дану.

Через год они разошлись в разные стороны, договорившись встретиться ровно через три года, и Луг возвратился к своим друзьям, сыновьям Мананнана.

Много ли, мало ли прошло времени, созвал Нуада воинов на горе Уснех к западу от Тары. Недолго пробыли они там, как увидели войско, приближающееся к ним с востока, а впереди – юношу с ликом светлым, как заходящее солнце, так что не жмурясь нельзя было смотреть на него.

Когда же войско приблизилось, в юноше узнали Луга Ламх-Фада, что значит «длиннорукий», который возвратился к ним и привел с собой сидов из Земли Обетованной, а еще своих названных братьев, сыновей Мананнана – Кройта Глегела, что значит «белый цветок», и Гойтне Горм-Шуилеаха, что значит «голубоглазое копье», и Каине Киндкарга, что значит «красное кольцо», и Доналла Донн-Руадха, что значит «красные волосы». Луг же восседал на кобыле Аонбхарр самого Мананнана, быстрой, как холодный ветер весной, по морю скакавшей, как посуху, и еще ни одного всадника не потерявшей мертвым. И свою кольчугу, которую не могли пробить ни меч, ни копье, Мананнан отдал Лугу, и свой шлем с двумя алмазами спереди и сзади. Когда Луг снял шлем, его лоб сверкал, как солнце в летний день. Еще у него был меч Мананнана, который называли Фреагартах, что значит «ответ». Любая рана, нанесенная этим мечом, была смертельной. Но было у него еще одно свойство. Едва враг видел его обнаженным, как силы покидали его и он становился не опаснее жены в родах.

Воинство остановилось на том самом месте, где его поджидал король Ирландии с другими сидами, и они радостно приветствовали друг друга.

Однако они недолго радовались друг другу, потому что увидели нестройный отряд из девятижды девяти угрюмых посланцев фоморов, явившихся в Ирландию за данью, и четверых из них, самых жестоких и самых безжалостных, звали Эйне и Эатфай, Корон и Компар, и они наводили такой ужас на сидов, что ни один отец или приемный отец не посмел бы наказать своего сына без их разрешения.

Они подъехали к тому месту, где сидел в окружении своих воинов король Ирландии, и король Ирландии и все сиды встали перед ними.

Тогда Луг Длиннорукий спросил Нуаду:

– Почему ты встаешь перед ними?

– Приходится, – ответил король. – Если они увидят сидящего ребенка, то и его не замедлят убить.

– Клянусь, – вскричал Луг, – их самих пора убить!

– Не делай этого, потому что фоморы жестоко отомстят нам.

– Слишком долго ты терпишь их.

С этими словами он бросился на фоморов, убивая и рая их своим мечом, пока не полегли восемью девять из них, а девятерым он даровал жизнь, отдав их под защиту короля Нуады.

– Я бы и вас убил, но мне нужны посланцы в вашу страну, потому что я не хочу посылать своих воинов – как бы их у вас не обидели.

Девять воинов отправились восвояси и в городе фоморов Лохланне рассказали всем о том, как прекрасный юноша явился в Ирландию и убил всех сборщиков дани, кроме них.

– А не убил он нас, чтобы мы рассказали вам о нем.

– Кто этот юноша? – спросил Балор Злой Глаз.

– Я знаю, – сказала его жена Кейтленн. – Он сын нашей дочери. Помнишь предсказание? Когда он явится в Ирландию, не властвовать тебе там больше.

Фоморы собрались на совет, и среди них были Эаб, сын Нейта, и Кеанхаб, внук Нейта, и Сайтал Салмхор, и Лиат, сын Лобаса, и девять бардов фоморов, владевших даром провидения, и друид Лобас, и сам Балор, и его двенадцать белогубых сыновей, и его королева Кейтленн Кривоzubая.

Это случилось как раз, когда Брес и его отец Элат пришли просить о помощи.

Брес сказал так:

– Я сам поведу семь великих воинств фоморов в Ирландию, и я вызову на бой Илданаха, великого мастера, и я отрублю ему голову и привезу ее сюда, на зеленый луг Бербхе.

– Ты сможешь, – сказали фоморы.

– Готовьте мои корабли и вдоволь запасайте мяса и эля.

Фоморы не стали медлить и тотчас занялись кораблями и провизией, а два быстроногих Луата побежали собирать воинство для Бреса. Едва все пришли и наточили мечи и копья, как Брес приказал отплывать.

Король Балор проводил свое воинство до причала и сказал так:

– Сразись, Брес, с Илданахом и отруби ему голову. А потом привяжи остров под названием Ирландия к корме, и пусть, пока ты будешь плыть, волны погуляют на нем. Ты оставь его на севере Лохланна, и ни один из детей богини Дану до скончания света не посмеет приблизиться к нему.

Отчалив от берега, фоморы подняли паруса и поплыли по непаханому полю, по окраине широко раскинувшегося моря, ни разу не свернув, пока не оказались в Эас Дара.

Брес повел свое воинство через Западный Коннахт, разрушая все на своем пути, а королем Коннахта в те времена был Бодб Деарг, сын Дагды.

2. Сыновья Туиреана

Луг Длиннорукий был в Таре у короля Ирландии, когда узнал, что фоморы высадились в Эас Дара. Тотчас он оседлал Аонбхарр, лошадь Мананнана, а миновали всего один день и одна ночь со времени высадки фоморов. Он пошел к королю Нуаде и рассказал ему о фоморах, которые причалили к берегу в Эас Дара, а теперь бесчинствовали на земле Бодба Деарга.

– Я хочу, – сказал он, – чтобы ты помог мне в сражении против фоморов.

Однако Нуада не желал мстить за погубленный Коннахт, которым владел Бодб Деарг, а не он, и Лугу не понравился его ответ. Он уехал из Тары.

Едва он выехал за ворота, как увидел трех воинов с мечами и копьями, которые мчались ему навстречу. Это были его отец Киан и его братья Ку и Кетен, потому что у его отца были три сына.

– Куда ты так рано? – спросили они Луга.

– Славное дело ждет меня, – ответил Луг. – Фоморы в Ирландии. Сейчас они грабят Бодба Деарга. Вы мне поможете сразиться с ними?

– Каждый из нас может взять на себя по сотне воинов.

– Добрая помощь. Только лучше вам собрать всех сидов, готовых сражаться за Ирландию.

Ку и Кетен помчались на юг, а Киан – на север, и он ни разу не остановился, пока впереди не показалась равнина Муиртемне. Пересекая равнину, Киан увидел трех вооруженных воинов и узнал в них трех сыновей Туиреана, сына Огмы. Издавна между тремя сыновьями Туиреана и тремя сыновьями Кинта была неодолимая вражда, и где бы они ни встретились, сразу между ними завязывался бой.

Киан сказал так:

– Если бы мои братья были со мной, мы бы неплохо сразились, а одному мне с ними не совладать.

Увидав поблизости стадо свиней, Киан ударил себя веткой друида и, в мгновение ока превратившись в свинью, неотличимую от настоящих, принялся рыть землю.

Брайан, один из сыновей Гуиреана, спросил братьев:

– Вы видели воина?

– Видели.

– Куда же он делся?

– Не знаем.

– Надо нам получше охранять равнину, ведь идет война, – сказал Брайан. – Но я знаю, что с ним случилось. Он ударил себя веткой друида и превратился в свинью, которая теперь роет землю так же, как все остальные, а если так, то он нам не друг.

– Плохо дело, – отозвались его братья, – потому что свиньи принадлежат кому-то из сидов, но даже если мы перебьем их всех, он все равно может ускользнуть от нас.

– Плохо вас учили в городе знаний, – сказал им Брайан, – если ты не можешь отличить настоящую свинью от ненастоящей.

С этими словами он ударил братьев веткой друида, и они превратились в тощих быстрых псов, которые тотчас начали лаять, учуяв след человека-свиньи.

Вскоре одна свинья отделилась от стада, и остальные не обратили на нее никакого внимания, хотя она побежала к лесу. На опушке Брайан поразил ее копьем.

Свинья вскрикнула, а потом сказала так:

– Не по-доброму ты поступил со мной.

– Похоже, ты знаешь человеческий язык, – удивился Брайан.

– Я и есть человек. Киан я, сын Кинта, и я прошу у тебя защиты.

– Клянусь всеми богами, будь у тебя даже семь жизней, я бы все отобрал одну за другой.

- Пусть так. Все же исполни одну просьбу. Позволь мне вновь принять мой облик.
- Что ж, – проговорил Брайан, – мне легче убить человека, чем свинью.

Киан сбросил с себя обличье свиньи и попросил:

- Будь милостив.
- Нет.

– Ладно. Хорошо уже, что ты позволил мне стать человеком. Если бы я был свиньей, то, убив меня, ты отделался бы платой за свинью. Не было и не будет воина, мсть за которого сравнится с мстью за меня. Рука, отнявшая жизнь у отца, будет в долгу перед моим сыном. Оружие, поразившее меня, обо всем расскажет ему.

- Ты не будешь убит мечом и не будешь убит копьем. Мы побьем тебя камнями.

И братья принялись с такой силой и ненавистью бросать в воина камни, что вскоре его несчастное изломанное тело перестало подавать признаки жизни. Братья вырыли могилу и похоронили воина, но земля не приняла его. Тогда Брайан сказал, что надо попытаться еще раз, и они вырыли другую могилу, но земля вновь вытолкнула тело наверх. Шесть раз сыновья Туиреана хоронили воина, и шесть раз земля выталкивала его. Но на седьмой раз тело осталось в могиле, и братья поехали дальше, туда, где Луг Длиннорукий собирал войско.

Что до Луга, то, расставшись с отцом, он поскакал на запад от Тары по направлению к горам, которые потом будут звать Гайрех и Илгайрех, в крепость Шаннон, которая теперь называется Атлуайн, к Беарнанах-Эадаргана, «пропасти раздела», через Маг-Луирг, «равнину погони», к Корр Слиав-на-Сегза, что значит «круглая гора песенной весны», на вершину Киан-Слиав, через солнечный Коранн, а оттуда на Маг Мор-ан-Аонай, «великую равнину светловолосых людей», где теперь были фоморы и с ними предатели из Коннахта.

Это там Брес встал со своего места и сказал:

- Не диво ли, что солнце сегодня взошло на западе, когда всегда оно восходит на востоке.
- Уж лучше бы вправду солнце взошло на западе, – вздохнули в ответ друиды.
- Что же это?
- Сияющее лицо Луга, сына Этне.

Луг приблизился к ним и поздоровался.

- Почему ты говоришь с нами как друг?

– Потому что половина меня принадлежит детям богини Дану, а половина – ваша. А теперь отдавайте молочных коров, которых вы отобрали у ирландцев.

– Пусть удача отвернется от тебя и ты никаких коров не получишь, не то что молочных, – со злостью ответил ему один из фоморов.

Три дня и три ночи Луг не отходил от фоморов, а на четвертый день прискакали всадники-сиды. И Бодб Деарг, сын Дагды, привел двадцать девять воинов. Он спросил:

- Почему ты медлишь с битвой?
- Я ждал тебя, – ответил Луг.

Короли и вожди Ирландии подняли над головами копья, выставили перед собой щиты и на Маг Мор-ан-Аонай пошли сомкнутым строем на фоморов, которые тоже пошли им навстречу, забрасывая их свистящими копьями, а когда от копий остались одни обломки, сиды и фоморы вытащили мечи из ножен и с такой силой схватились друг с другом, что издали казалось, будто вся долина объята огнем.

Луг тем временем искал на поле битвы Бреса, сына Элата, а когда нашел его, то стал биться с его стражниками, и они не могли устоять перед ним. Двести воинов полегли от его меча.

Увидел это Брес и попросил у Луга защиты.

– Если ты пощадишь меня, – сказал он, – я приведу всех фоморов на великую битву. Клянусь солнцем и луной, морем и сушей.

Луг пощадил его, и тогда друиды, приплывшие с Бресом, тоже запросили пощады.

– Клянусь, если все фоморы будут просить у меня защиты, ни один не погибнет от моего меча.

С этим Брес и друиды отправились восвояси.

А теперь расскажем, что случилось между Лугом и сыновьями Туиреана. Когда закончилась битва на Маг Мор-ан-Аонай, Луг встретился со своими братьями и спросил, не видели ли они отца.

– Не видели, – отвечали они.

– Чудится мне, что нет его в живых. Клянусь, не выпить мне ни глотка воды, не съесть ни крошки хлеба, пока не узнаю, где и как он сложил голову.

Луг отправился на поиски отца, живого или мертвого, и всадники-сиды следом. Они прискакали на то место, где Луг простился с отцом, а потом на то место, где его отец, завидев сыновей Туиреана, принял облик свиньи.

И на том месте земля заговорила с Лугом:

– Слушай, Луг. Великая беда подстерегла здесь твоего отца. Завидев сыновей Туиреана, обернулся он свиньей, но убили они его в его собственном обличье.

Луг обо всем рассказал своим воинам, а потом отыскал место, где был зарыт его отец, и приказал откопать его, чтобы узнать, какую смерть принял он от сыновей Туиреана.

Когда подняли тело из земли, то увидели, что оно все в синяках и подтеках.

И Луг сказал так:

– Сыновья Туиреана убили моего отца, как злого врага. – Трижды поцеловал он его. – Худо мне теперь. Ничего не слышат мои уши, ничего не видят мои глаза, и кровь не бежит в моем сердце, потому что умер мой отец. Почему меня не было здесь, когда тебе грозила беда? Великое зло совершили дети богини Дану, подняв руку на своих соплеменников. Много потеряют они могучих воинов! Обессилеют они от своего предательства! Не быть Ирландии свободной ни на востоке, ни на западе!

Вновь Луг предал тело Киана земле, потом оплакал его и, водрузив на могилу камень, письменами огама выбил на нем его имя. Он сказал так:

– Отныне этот холм будет называться именем Киана. Сыновья Туиреана убили его, так пусть горе и ненависть станут уделом их и их детей. Я говорю правду. Горе разбило мне сердце, ибо нет больше в живых храброго Киана.

Луг повелел воинам скакать в Тару, но наказал им ничего никому не говорить.

В Таре Луг сел на высокий королевский трон и, оглядевшись, увидел трех сыновей Туиреана, которые в то время были первые из первых, самые быстрые, самые искусные, самые доблестные, самые красивые и самые прославленные.

Луг приказал слугам потрясти цепь молчания, а потом сказал так:

– О чем вы думаете, сиды?

– О тебе.

– Тогда я спрошу вас. Какую месть измыслили бы вы за смерть своего отца?

Воины не знали, что сказать. Но один из вождей все-таки спросил:

– Не твой ли отец убит?

– Ты прав, – ответил ему Луг. – И здесь я вижу воинов, которые убили его, а как они его убили, им лучше знать. – Он помолчал. – Будь это в моей власти, я бы не дал им умереть в одиночестве, а день за днем отрубал бы им сначала руки, потом ноги.

Вожди согласились с ним, и сыновья Туиреана тоже.

– Три воина, убившие моего отца, дали ответ. Так пусть они заплатят за его смерть теперь же, пока они все здесь. А если они не хотят, то пусть убираются отсюда, потому что этот дом под моей защитой.

– Если бы я убил твоего отца, – сказал король, – я был бы рад, когда бы ты взял с меня дань.

– Луг все знает, – зашептали друг другу сыновья Туиреана.

– Надо признаться, – сказали Айухар и Айухарба.

– Боюсь, как раз этого он хочет, – сказал Брайан, – чтобы мы признались перед всеми, и тогда он не выпустит нас из рук ни за какие богатства.

– Ничего не поделаешь, – возразили ему братья. – Не избежать нам признания. Говори! Ты старший.

И Брайан, сын Туиреана, сказал так:

– Ты о нас говоришь, Луг, потому что знаешь о нашей вражде с сыновьями Кинта. Мы не убивали твоего отца, но мы заплатим тебе, как если бы мы его убили.

– Вы заплатите мне так, как не помышляли. Если же плата будет высокой, я уступлю.

– Говори.

– Три яблока, шкура свиньи, копье, два коня, семь свиней, один щенок, вертел и три крика на горе. Вот ваша плата, и если для вас это слишком дорого, я уступлю, а если нет, то платите.

– Это не дорого, – сказал Брайан. – И в сто раз больше не было бы дорого. Ты слишком мало просишь, и мы думаем, что за этим кроется предательство.

– Это немало. Пусть покарают меня сиды, если я лгу. Вы тоже поклянитесь.

– Зачем нам клясться? Разве не хватит моего слова?

– Не хватит, – возмутился Луг. – Всем известно, что вы наобещаете с гору, а потом норовите улизнуть, не заплатив.

Ничего не оставалось сыновьям Туиреана, как поклясться в присутствии короля Ирландии, и Бодба Деарга, сына Дагды, и вождей из племени сидов, что они все сполна заплатят Лугу.

– Пожалуй, я вам поясню, что мне надо, – сказал Луг.

– Поясни.

– Слушайте. Три яблока зреют в саду на востоке земли, и другие яблоки мне не нужны, потому что эти самые красивые и самые вкусные на всей земле. Цвета они горящего золота, величиной с голову младенца, которому месяц от роду, вкуса они медового, и тому, кто откусит от них, не страшны ни раны, ни болезни. К тому же, сколько ни откусывай от них, они меньше не становятся. Шкура же нужна мне свиньи из владений Туиса, короля Греции, которая лечит любые раны и любые болезни да еще спасает от всякой беды, только от смерти не спасает. А еще она речную воду превращает в вино на девять дней, и если смочить им самую тяжелую рану, от нее и следа не останется. Друиды Греции говорят, что добродетель не существует сама по себе, вот они вложили ее в шкуру, и с тех пор эта шкура у них. Думаю, нелегко вам будет добыть ее. Вы поняли, о каком копье я говорил? – продолжал Луг.

– Нет, – ответили братья.

– Это смертельное копье принадлежит персидскому шаху, и называют его Луин. Ему все подвластно, и, чтобы оно не сожгло дом и страну, наконечник держат в воде.

Трудно будет его взять. Знаешь ли ты, о каких конях и о какой повозке я говорил? Они принадлежат Добару, королю Сиогайра, и кони одинаково быстро мчатся по морю и по земле, да и повозке нет равных в красоте и крепости.

Знаешь ли ты, о каких семи свиньях я говорил? Это свиньи Эсала, короля Золотых Колонн. Каждый вечер их убивают, а наутро они опять живые, и если кто отведаст их мяса, тому не грозят никакие болезни.

Щенка же зовут Файл-Иннис, и принадлежит он королю Айоруадха, Холодной Страны. Все дикие звери падают ниц перед этим щенком – так красив он: прекраснее самого солнца в огненной повозке.

Вертел ты принесешь мне с острова Каэр Светловолосой. А кричать ты будешь на горе Миохаойна на севере Лохланна. Миохаойн и его сыновья стерегут гору, чтобы никто не кричал на ней. У них учился мой отец, и, если даже я прощу тебе его смерть, они не простят. Пусть тебе все удастся, но они не упустят случая отомстить. Вот и вся плата за смерть моего отца.

Потемнели лицами сыновья Туиреана и в молчании поехали к своему отцу.

– Плохие вести, – сказал Туиреан. – Не избежать вам смерти. Вот если бы Луг захотел вам помочь, тогда другое дело, а иначе плата, которую он назначил вам, не по силам ни одному мужу на земле, если только не заручится он помощью Мананнана или Луга. Идите к нему и просите, чтобы он дал вам кобылу Мананнана, и, если он вправду хочет получить хоть что-нибудь, он даст ее вам, а если нет, то он откажет вам, сославшись на то, что-де не его кобыла и не может он дать вам то, что ему не принадлежит. Тогда просите у него ладью Мананнана, которую называют Скуабтуинн, что значит «бегущая по волнам», и он даст вам ее, потому что нельзя ему отказывать во второй раз, а вам ладья нужнее кобылы.

Сыновья Туиреана пошли к Лугу и, поздоровавшись с ним, попросили его помощи, если он вправду хочет получить с них дань. Наученные отцом, они попросили у него Аонбхарр, кобылу Мананнана.

– Это не моя кобыла, – ответил им Луг, – и я не могу дать ее вам.

– Тогда дай нам ладью Мананнана, – потребовал Брайан.

– Берите.

– Где она?

– В Бруг-на-Бойнн.

Братья возвратились к отцу и к своей сестре Этне и сказали, что Луг дал им ладью.

– Все равно трудно вам придется, – посетовал Туиреан, – хотя Луг в самом деле хочет получить все, что он потребовал от вас, до битвы с фоморами. Но и вам он желает смерти.

Сыновья покинули опечаленного Туиреана, а Этне отправилась вместе с ними на берег, где была ладья.

Брайан вошел в нее и воскликнул:

– Здесь места хватит только для двоих!

И он принялся сокрушаться о том, что ладья так мала.

– Не надо тебе поносить ладью, – сказала Этне. – Не по-доброму ты поступил, убив отца Луга Длиннорукого, мой милый брат, и, что бы ни приключилось с тобой, это твоя вина.

– Не говори так, Этне, – попросили ее братья, – ведь не злые мы сердцем, и храбрости нам не занимать. И пусть мы сто раз примем смерть, но трусами не прослышем.

– Горе мне! – вскричала Этне. – Мои братья покидают меня!

Ладья отошла от берега Ирландии.

– Куда мы плывем?

– Мы плывем за яблоками, – сказал Брайан, – потому что Луг в первую очередь приказал нам добыть яблоки. Повелеваю тебе, ладья Мананнана, везти нас в сад на востоке земли.

Ладья повиновалась и долго одолевала зеленые волны, пока не пристала к берегу на востоке земли.

Тогда Брайан спросил братьев:

– Как нам быть, ведь не думаете же вы, что могучие воины не стерегут королевский сад?

– Мы думаем, что нам надо сражаться с ними, ведь все равно не избежать нам смерти.

– Я думаю, пусть после нашей смерти люди вспоминают о нашей храбрости и о нашей мудрости, а не о нашем предательстве и о нашей глупости. Сделаем так. Примем обличье быстрых ястребов и постараемся увернуться от копий, которыми стражники забросают нас. Когда же у них выйдут все копыя, скорее сорвем каждый по яблоку и унесем их в когтях.

Братьям понравились его речи. Брайан ударил их и себя веткой друида, и они, превратившись в прекрасных птиц, полетели к саду. Стражники их заметили, стали кричать, а потом

забросали их копьями и дротиками. Когда же копья все вышли, ястребы, ничего не боясь, сорвали по яблоку и, целые и невредимые, поспешили прочь.

Однако немного прошло времени, и король со своими подданными узнал о ястребах, похитивших яблоки. Три мудрые королевские дочери обернулись скопами, догнали ястребов на морском берегу и принялись забрасывать их молниями, повергнув их в отчаяние.

– Горе нам! – вскричали сыновья Туиреана. – Они нас сожгут! Нет нам спасенья!

– Я вас спасу, – сказал Брайан.

С этими словами он вновь ударил братьев и себя веткой друида, и вместо ястребов явились три белых лебедя, которые не медля нырнули глубоко под воду. Пришлось скопам оставить их в покое, и сыновья Туиреана невредимые вернулись в ладью Мананнана.

Посоветовавшись друг с другом, они решили плыть в Грецию за шкурой свиньи, и ладья понесла их, никуда не сворачивая, прямо ко двору греческого короля.

– В каком обличье мы пойдем к нему? – спросил Брайан братьев.

– Как это – в каком обличье? Как есть, так и пойдем.

– В нашем обличье нам несдобровать. Лучше прикинемся бардами из Ирландии, и тогда нас примут с почетом и уважением.

– Нелегкое это дело, – вздохнули братья, – ведь мы не барды и сочинять стихи не умеем.

Все же они завязали волосы, как это делают барды, и постучали в ворота. В ответ на вопрос стражника, кто идет, они ответили:

– Барды из Ирландии. Мы сочинили песню для короля.

Стражник доложил королю об ирландских бардах, которые пришли с песней, и король велел их впустить:

– Не ждали они недоброго приема, коли пришли издалека.

Еще король повелел вынести все из залы, чтобы барды подивились, какой у него большой и просторный дом.

Сыновья Туиреана в обличье бардов едва вошли в залу, так сразу набросились на мясо и вино, а немного утолив голод, в самом деле подумали, какой у короля просторный дом и как ласково он их принимает.

Тем временем королевские барды поднялись со своих мест, чтобы воздать должное королю. А там наступила очередь Брайана, сына Туиреана, который потребовал, чтобы братья вспомнили хоть одну песню. Но они сказали ему так:

– Нет у нас никаких песен. И не проси. Мы умеем брать силой, если у нас хватает сил, а если когда-нибудь не хватит сил, то сложим головы, не моля о пощаде.

– Так песни не сочиняют.

Брайан встал со своего места и повел такие речи:

– *О Туис, твоя слава достигла Ирландии, и мы славим тебя, как дуб среди королей, и ты заплати мне шкурой свиньи за мою хвалу тебе.*

Война на слуху соседа, честное ухо против честного уха. Если он одарит нас, то и подданные промолчат.

Жестокое воинство и гневное море встанут против всех, кто пойдет против них. Шкурой свиньи, о Туис, заплати мне.

– Хорошо, – молвил король, – только я ничего не понял.

– Слушай же, Туис. «Твоя слава достигла Ирландии, и мы славим тебя, как дуб среди королей». Дуб – король над остальными деревьями, и мы славим тебя как первого из королей за твою щедрость.

«Шкура свиньи» – знаменитая на весь мир шкура, которую я хочу получить в плату за мою хвалу.

«Война на слуху соседа. Честное ухо против честного уха». Это значит, что не успокоюсь я, пока не получу шкуру по твоей доброй воле. Вот и все, – заключил Брайан.

– Твои речи достойны похвалы, но ты слишком много говоришь о шкуре. Ты помутился разумом, если просишь у меня шкуру, потому что добром я не отдам ее ни бардам, ни мудрецам, ни героям. Но я дам тебе столько золота, сколько три раза вместит шкура.

– Не гневайся, король, – сказал Брайан. – Я знаю, что тебе нелегко исполнить мою просьбу, но еще я знаю, что ты дашь мне хороший выкуп за шкуру. Ты уж не сердись, но я не успокоюсь, пока сам не увижу, как твои слуги отмеряют шкурой золото.

Когда же принесли шкуру, Брайан быстро ухватился за нее левой рукой, а правой выхватил меч и надвое разрубил воина, державшего ее. Он обернул шкуру вокруг своей груди, и трое братьев помчались прочь, убивая всех, кто оказывался у них на пути. Сам король Греции не замешкался вступить с Брайаном в поединок, и он тоже пал от руки Брайана, сына Туиреана.

Отдохнув, братья стали держать совет, что им делать дальше, и решили отправиться к персидскому шаху Пайсеару за копьем.

Они вошли в ладью и покинули голубое море, омывающее берег Греции.

«Пока удача сопутствует нам, – думали братья. – Яблоки и шкуру свиньи мы уже заполучили».

Ладья вынесла их прямо на персидский берег.

– Почему бы нам опять не прикинуться бардами, как мы это сделали в Греции? – спросил Брайан.

– Нам это нравится, – ответили ему братья. – В Греции нам это сошло с рук, попробуем и здесь, хотя нелегко нам прикидываться бардами, ведь нет у нас способностей к стихотворчеству.

Вновь они зачесали волосы, как полагается бардам, и с превеликим почетом были провождены к шаху. Во время пира, когда наступил черед Брайана сказать свое слово, он без промедления поднялся с места.

– С презрением Пайсеар глядит на чужое копье. Разбито воинство. Нетрудно Пайсеару ранить врагов.

Тис прекраснее всех деревьев, король королей. Копье поражает всех воинов до единого, и гибнет воинство от одного удара.

– Хорошо сказано, – молвил король. – Но почему ты вспомнил, бард Ирландии, о моем копье?

– Потому что хочу получить копье в плату за мои стихи, – сказал Брайан.

– Ты помутился разумом, коли просишь меня об этом. Если бы мои подданные не почитали бардов, не уйти бы тебе от них живым.

Услыхав это, Брайан вспомнил о яблоке, которое держал в руке. Он метнул его шаху в голову и выбил ему мозги, после чего выхватил меч и стал разить персов одного за другим. Братья не отставали от него, и они сражались, пока в зале, кроме них, не осталось ни одного живого человека. Тогда они отыскиали копье и наконечник в чане с холодной водой.

Отдохнув немного, сыновья Туиреана стали держать совет, куда им плыть дальше.

– Мы плывем к королю острова Сиогайр, – сказал Брайан. – У него мы должны добыть двух коней и повозку, которые потребовал от нас Илданах.

Не забыв прихватить с собой копье, они отплыли от берегов Персии, гордясь своей удачей. Наконец они прибыли ко двору короля Сиогайра.

– Вот как мы поступим на сей раз, – сказал Брайан. – Прикинемся наемниками из Ирландии, войдем в доверие к королю и разузнаем, где он держит коней и повозку.

На том они порешили и пошли на луг перед домом короля.

Король и вожди, окружавшие его, поднялись при виде их со своих мест, и после того, как братья учтиво поздоровались с королем, он спросил, кто они и откуда.

– Мы – воины из Ирландии, – сказали братья, – и зарабатываем себе на жизнь, воюя за королей.

– Хотите остаться у меня? – не замедлил предложить им король.

– Хотим.

Так братья стали служить королю.

Прошли две недели и месяц, а сыновья Туиреана все еще не знали, где находятся кони и повозка.

Тогда Брайан сказал так:

– Плохи наши дела. Сегодня мы знаем не больше, чем в первый день.

– Что же нам делать?

– Сделаем так. Соберите ваше оружие и все остальное, а потом мы пойдем к королю и скажем ему, что покинем его страну, если он не покажет нам своих коней.

В тот же день сыновья Туиреана отправились к королю, и король спросил их, почему они хотят его покинуть.

– Знай, король, – сказал Брайан, – мы давно сражаемся за разных королей и привыкли, что нам доверяют. Обыкновенно мы знаем все тайны нашего короля, а о тебе мы знаем не больше, чем в первый день, когда пришли сюда. Ты владеешь двумя конями и повозкой, лучше которых нет на всей земле. Об этом все говорят. Но мы ни разу не видели ни коней, ни повозки.

– Ну, это легко поправимо, – возразил король. – Я бы показал вам их и в первый день, если бы знал, что вы хотите на них посмотреть. Я и сейчас могу показать вам их, потому что никогда еще к нам не приходили столь доблестные воины.

Он послал за конями, и, когда их впрягли в повозку, они помчались быстрее холодного весеннего ветра и посуху и по морю.

Брайан осматривал, осматривал коней, а потом вытолкнул из повозки возницу, сам занял его место и метнул в короля персидское копье, которое пробило ему сердце. Потом он и его братья убили всех, кто пытался им помешать, и ускакали прочь.

– Теперь мы отправимся к Эсалу, королю Золотых Колонн, – сказал Брайан, – потому что у него нам надо добыть семь свиней для Илданаха.

Они вошли в ладью и поплыли по морю. Тем временем слух о сыновьях Туиреана, которых прогнали из Ирландии и которые теперь добывают по всей земле сокровища, достиг страны Эсала, и его воины зорко стерегли берег.

Эсал сам вышел навстречу сыновьям Туиреана и спросил, правду ли говорят, будто нет в живых ни одного короля из тех, у которых они побывали. Брайан ответил, что правда и что он может делать с ними, что хочет.

– А зачем вы пожаловали ко мне? – спросил король.

– За свиньями. Твои свиньи тоже часть дани, которой обложил нас Луг Длиннорукий.

– И как вы собираетесь взять их?

– Если ты отдашь их нам по-доброму, то мы поблагодарим тебя, а если не захочешь отдать, то придется нам биться с тобой и с твоими воинами, и тогда вы все погибнете, а свиней мы все равно увезем с собой.

– Я не хочу смерти моим воинам.

– И правильно, – отозвался Брайан.

Король посоветовался с вождами, и они решили, что надо по-доброму отдать свиней сыновьям Туиреана, ибо никто не в силах устоять перед ними.

Сыновья Туиреана подивились и от души поблагодарили Эсала, ведь прежде им не удалось обойтись без сражений.

В тот же вечер Эсал привез их в свой дом, задал им богатый пир и угождал им, как только мог. Когда братья проснулись утром и пришли к королю, то туда тотчас были доставлены свиньи.

– Ты правильно поступил, – сказал сын Туиреана, – потому что прежде пришлось нам положить много воинов, чтобы добыть дань Лугу.

И он сочинил длинную песню, восхвалявшую короля и славившую его имя.

– Куда вы направляетесь теперь, сыновья Туиреана? – спросил Эасал.

– В Айоруадх за щенком, – ответили ему братья.

– Исполните мою просьбу. Возьмите меня с собой, потому что моя дочь – жена короля Айоруадха, и я постараюсь уговорить его отдать вам щенка без боя.

– Что ж, лучше ничего не может быть.

Когда приготовили королевский корабль, они отправились в путь, и мы не знаем, что было, пока они не пристали к цветущему берегу. Но слух о братьях уже дошел и до этих мест, поэтому их встретило множество воинов, которые их тотчас узнали и принялись кричать, чтобы они не смели покидать корабль.

Эасал один отправился к королю, которому рассказал все, что сам знал о сыновьях Туиреана.

– Что привело их ко мне? – спросил король.

– Твой щенок.

– Зачем ты приплыл с ними? Не будут боги настолько милостивы к братьям, чтобы силой или по-доброму отнять у меня щенка.

– Лучше тебе по своей воле отдать суку, – посоветовал ему Эасал, – ведь они уже убили не одного короля.

Однако король Айоруадха не желал его слушать. Ни с чем вернулся Эасал на корабль и обо всем рассказал братьям, которые, не медля, схватились за мечи и решили сражаться с воинством Айоруадха. Славно они бились. Много воинов полегло от их мечей, пока они не разделили братьев, так что Айухар и Айухарба оказались далеко от Брайана, и это грозило им бедой. Все же Брайану удалось приблизиться к королю Айоруадха, и они сошлись в жестоком поединке. Долго они не уступали друг другу, но потом Брайан одолел короля и притащил его к Эасалу, которому сказал так:

– Вот твой зять, и, клянусь, мне было бы легче три раза убить его, чем тащить к тебе.

Король отдал сыновьям Туиреана щенка, и между ними воцарился мир. А потом Брайан и его братья распрощались с Эасалом и его зятем и поплыли в своей ладье прочь.

Тем временем Луг Длиннорукий узнал, что сыновья Туиреана добыли то, что ему было нужно для битвы с фоморами, и он наложил на них заклятье друида, повелев им забыть об остальном. Неожиданно они почувствовали неодолимое желание возвратиться в Ирландию и, забыв обо всем на свете, поспешили домой.

Луг как раз был на лугу перед Тарой вместе с королем Ирландии, когда ему пришла весть, что братья в Бруг-на-Бойнн. Не медля, вернулся он в Тару, закрыл за собой ворота, надел доспехи Мананнана и плащ дочерей Флидиса и взял в руки меч.

Сыновья Туиреана приблизились к королю, который ласково поздоровался с ними, а следом за ним и все сиды поздоровались с ними. Король спросил, добыли ли они то, что требовал от них Луг.

– Добыли, – ответили братья. – А где Луг?

– Только что был здесь, – отозвался король.

Луга стали повсюду искать, но его и след простыл.

– Знаю я, где он, – сказал тогда Брайан. – Наверное, дошла до него весть о нашем возвращении в Ирландию, и он убежал в Тару подальше от нашей смертоносной добычи.

Король послал к Лугу гонцов, и Луг ответил, что не придет, пока братья не отдадут все королю.

Сыновья Туиреана повиновались, и, когда король Ирландии принял от них все добытое ими добром и силой, они пошли во дворец в Таре.

Луг встретил их на лужайке и сказал так:

– Вы принесли самую хорошую плату, какую когда-либо платили за убитого воина или еще заплатят. Но это не вся плата. Где вертел? Да и на горе вы не кричали.

Когда сыновья Туиреана услышали это, одолела их слабость, и они отправились к своему отцу, чтобы пожаловаться на несправедливость Луга и испросить совета.

Потемнел лицом Туиреан.

Наутро братья пошли к ладье, и с ними пошла их сестра Этне, которая плакала и причитала всю дорогу:

– *Горе мне, жизнь моя Брайан, что не в Тару ты держишь путь после всего того, что ты совершил, хоть и не было меня рядом с тобой.*

О Лосось из глухого Бойнна, о Лосось из Реки Жизни, коли не могу я удержать тебя здесь, то придется мне проститься с тобой.

О Всадник на Волне Туайдха, нет доблестнее тебя никого в битве. Если ты возвращаешься ко мне, то не будет радости у твоего врага.

Неужели не жаль тебе сыновей Туиреана, которые стоят теперь, опершись на зеленые щиты? Горе мне, что покидают они Ирландию. Горе мне!

Ты пробудешь в Бейнн Эдайре, пока не услышишь тяжелые шаги утра, ты, который принимал дары от храбрых мужей. Из-за тебя горе мое еще нестерпимее.

Горе мне оттого, что покидают мои братья Тару, милую равнину, великую Уиснех Миде. Горе мне!

Едва она умолкла, как братья вышли в море и четверть года боролись с валами, не видя нигде суши.

Потом Брайан снял доспехи и прыгнул в волны. Долго бродил он в поисках Острова Светловолосых Жен, пока в конце концов не отыскал его. Там он сразу отправился во дворец и увидел много жен, занятых шитьем. Среди прочих вещей, которые были при них, он заметил вертел.

Брайан схватил его и бросился к двери, однако услышал за спиной веселый смех и остановился.

– Храбрый воин, будь даже с тобой твои братья, трижды пятьдесят жен легко справились бы с вами тремя. Но если тебе так уж невмочь, забирай вертел из вертелов. Не зря же ты старался!

Брайан поблагодарил добрых жен и, распрощавшись с ними, отправился на поиски ладьи. Братья, решив, что его слишком долго нет, уже собирались плыть дальше, а тут он возвратился и укрепил их в решимости до конца исполнить свой долг.

Сыновья Туиреана отправились на поиски горы Миохаойна. Долго ли, коротко ли, в конце концов они отыскивали эту гору, но навстречу им вышел стороживший ее воин. Едва Брайан увидел его, как вызвал на бой, и они были похожи на двух могучих львов, не желавших уступать друг другу, пока Миохаойн не упал замертво.

После гибели Миохаойна три его сына вышли сразиться с сыновьями Туиреана. Если бы кто с востока земли решил прийти посмотреть на сражения, то смотреть ему надо было бы на битву этих героев, столь тяжелы были их удары и столь мудры были их решения. Сыновей Миохаойна звали Корк, Конн и Аэд, и тремя копьями они пронзили сыновей Туиреана, но не остановили их. Сыновья Туиреана тоже пронзили их своими копьями, и их удары были смертельными.

Тогда Брайан спросил:

– Братья, куда мы теперь?

– Мы умираем, – ответили ему братья.

– Поднимайтесь, потому что мы еще должны трижды крикнуть.

– Нет.

Тогда Брайан поднялся сам и помог встать своим братьям, и, хотя у них из ран ручьями текла кровь, они громко закричали, как требовал Луг Длиннорукий.

Потом Брайан помог братьям дойти до ладьи, и они долго плыли по морю, пока он не сказал:

– Я вижу Бейнн Эдайр, и крепость нашего отца, и Тару королей.

– Мы бы не умерли от ран, если бы тоже увидели это, – посетовали его братья. – Брат, если ты любишь нас, подними нам головы и положи их себе на грудь, чтобы мы поглядели на родную Ирландию. А потом и умереть не страшно. О Брайан Огненная Доблесть, не знаешь ты, что такое предательство, и лучше бы нам умереть, чем видеть раны на твоём теле. Нет здесь лекаря, который пособил бы тебе.

Они пристали к берегу в Бейнн Эдайр и оттуда сразу направились к дому своего отца.

– Поезжай, – попросил Брайан отца, – в Тару и отдай этот вертел Лугу, а еще попроси у него шкуру, которая исцеляет любые раны. Ради нашей дружбы пусть он даст нам шкуру, потому что в наших жилах течет одна кровь, и пусть он не отвечает нам злом на зло. О, милый отец, торопись, или мы не дождемся тебя.

Туиреан помчался в Тару, отыскал Луга Длиннорукого, отдал ему вертел и попросил шкуру, однако Луг отказал ему.

Туиреан возвратился домой ни с чем. И тогда Брайан попросил:

– Отвези меня к Лугу.

Отец так и сделал. Брайан попросил у Луга шкуру для себя и своих братьев, но Луг отказал ему, заявив, что не даст ему шкуру даже за все богатства земли: мол, сыновья Туиреана должны умереть, ибо велико зло, которое они совершили.

Брайан выслушал его и вернулся к братьям. Он лег между ними, и они в одночасье испустили дух.

Туиреан так сильно сокрушался по своим могучим и прекрасным сыновьям, ни один из которых не уступал ни в чем королю Ирландии, что силы оставили его и он тоже умер.

И отца, и сыновей похоронили в одной могиле.

3. Великая битва в Маг Туиред

Вскоре после того, как сыновья Туиреана добыли для Луга сокровища со всей земли, в Скене высадились фоморы.

На сей раз в Ирландию явилось все фоморово воинство во главе с Балором, и Бресом, и Индексом, сыном Де Домнанна, короля фоморов, и Элатом, сыном Лобаса, и Голлом, и Ирголлом, и Окрайаллахом, сыном Индеха, и Элатом, сыном Делбайта.

Луг послал Дагду следить за фоморами и задерживать их сколько возможно, а сам стал собирать воинов Ирландии на битву.

Дагда явился к фоморам и попросил их немного подождать. Фоморы согласились. А чтобы посмеяться над Дагдой, они сварили суп, потому что он очень любил есть суп. Королевский котел залили четырежды двадцатью галлонами парного молока, потом бросили в него козлов, овец и свиней и, когда варево было готово, вылили его в огромную яму. Они позвали Дагду и сказали, что он должен все это съесть, потому что иначе они обидятся на ирландцев за негостеприимство, как это прежде случилось с Бресом.

– Мы уьем тебя, если ты оставишь хоть каплю, – пообещал Индекс, сын Де Домнанна.

Дагде ничего не оставалось, как соорудить черпак, в который помещалось сразу полсвины, и приняться за дело.

– Неплохой у вас суп, да и мясо сварено, как надо, – сказал он.

Он стал отправлять в рот один черпак за другим, пока не съел весь суп, а когда нечего стало черпать, рукой соскреб со стен, что на них налипло.

После такой еды Дагду одолел сон, а столпившиеся вокруг него фоморы смеялись над ним, потому что живот у него раздулся и стал не меньше, чем обеденный чан в большом доме. Однако прошло немного времени, и великан Дагда как ни в чем не бывало отправился восвояси. Одет, правда, он был неприглядно. Впереди рубаха была длинная, а сзади короткая, на ногах – башмаки из лошадиной шкуры мехом наружу, а в руке – вилка, на которую он мог насадить восемь человек. И следы он оставлял такие глубокие, что они вполне могли сойти за границу между королевствами. По дороге повстречалась ему Морриган, Ворона Сражений, которая мыла перья в реке Униусе в Коннахте. Одной лапкой она стояла на Улладе Эхне, на южном берегу, а другой – на Лоскуинне, на северном берегу, и волосы свисали с нее восемью незаплетенными прядями. Она сказала Дагде, что принесет мужам Ирландии кровь сердца Индеха, сына Де Домнанна, угрожавшего Дагде.

Пока Дагда был у фоморов, Луг созвал друидов, кузнецов, лекарей и возниц со всей Ирландии, чтобы всем вместе решить, как действовать во время битвы.

Первого он спросил Матгена, чем он может помочь воинам.

– Вот чем, – ответил Матген. – Я могу обрушить на фоморов все горы Ирландии. Двенадцать самых высоких гор Ирландии послужат тебе: Слиав Леаг и Денда Улад, Беннай Бойрхе и Брай Рурай, Слиав Бладма и Слиав Снехте, Слиав Мис и Блай-Слиав, Немтанн и Слиав Маку Белгодон, Сегойс и Круахан Айгле.

Потом Луг спросил виночерпиев, чем они могут помочь воинам.

– Сначала мы напустим на фоморов жажду, – ответили они, – а потом принесем им двенадцать самых больших озер Ирландии, и хотя они будут умирать от жажды, им не напиться из наших озер. Я назову тебе их: Дерг-Лох, Лох-Луимн, Лох-Орбсен, Лох-Ри, Лох-Мескде, Лох-Куан, Лох-Лаэг, Лох-Эках, Лох-Фебайл, Лох-Дехет, Лох-Риах, Мор-Лох. А потом мы пойдем на берега двенадцати рек Ирландии и спрячем их от фоморов. Все спрячем: и Буас, и Бойнн, и Банна, и Нем, и Лай, и Синан, и Муайд, и Клайгех, и Самайр, и Фионн, и Руиртех, и Сайуайр. Фоморы ни за что их не найдут и не напьются из них. А мужи Ирландии смогут утолять из них жажду, даже если битва продлится семь лет.

Луг спросил и друида Фигала, сына Мамоса, чем он поможет воинам.

И он ответил:

– Вот чем. Тремя языками пламени я опалю лица фоморов и две трети доблести и храбрости отниму у них, слабыми станут сами фоморы, и слабыми станут их кони. Зато мужи Ирландии с каждым вдохом будут набираться сил и, будь они в битве даже семь лет, не почувствуют усталости.

Луг спросил колдуний Бехуилле и Дайан:

– А вы чем поможете воинам?

– Вот чем. И деревья, и камни, и сама земля станут воинами против фоморов и такой ужас наведут на них, что не смогут они победить.

Луг спросил Карпре, сына Этайн, чем он поможет воинам.

– Вот чем. На рассвете я прочитаю поносные стихи на северном ветру, и стоять я буду на горе, оперевшись спиной в терн и взяв в руки камень и ветку терна, и от моих поносных стихов такой стыд овладеет фоморами, что не в силах они будут выстоять против воинов Ирландии.

Потом Луг спросил Гойбниу Кузнеца, чем он поможет воинам.

– Вот чем. Пусть воины Ирландии сражаются даже семь лет, сколько бы ни ломались у них мечи или копья, вместо каждого сломанного у них тотчас будет новый. И ни один меч, и ни одно копье, выкованные моими руками, не будут хуже прежних. И ни один фомор, раненный ими, не оправится от ран. Не сможет сделать такого кузнец фоморов Долб, сколько бы он ни старался.

– А ты, Кредне? – спросил Луг медника. – Чем ты поможешь воинам?

– Вот чем, – ответил Кредне. – Сколько бы ни потребовалось заклепок для копий, и рукоятей для мечей, и ободов для щитов, ни в чем не будет у них недостатка.

– А ты, Лухта? – спросил Луг плотника. – Чем ты поможешь воинам?

– Я дам им сколько нужно щитов и древков для копий.

И лекаря Дайансехта спросил Луг, чем он может помочь воинам.

– Сколько бы ни было раненых, если только не снесут им голов и не выпустят им мозги, все они будут живы и здоровы к следующему утру.

И Дагда сказал:

– Сколько бы ни хвалились вы своим великим умением, я один сделаю все то, что вы обещаете.

– Тогда ты добрый бог! – вскричали со смехом все, кто отвечал на вопросы Луга.

А Луг заговорил с воинами и вселил в каждого столько сил, что все они ощутили себя королями или великими героями.

Отсрочка тем временем подошла к концу, и фоморы с ирландцами сошлись лицом к лицу на равнине Маг Туиред. Однако это не та Маг Туиред, где они сражались в первый раз, а другая, которая расположена севернее, возле Эас Дара.

Два воинства грозно стояли друг против друга.

– Не откажешь в смелости мужам Ирландии, если они пришли сражаться с нами, – сказал Брес сыну Де Домнанна.

– Клянусь, – заявил тогда Индекс, сын Де Домнанна, – на мелкие кусочки разрублю я их кости, если они не покорятся нам и не заплатят дань.

Сиды же постановили не пускать в битву Луга, потому что его смерть была бы для них невосполнимой утратой, и они приставили к нему семь воинов стеречь его.

В первый день ни один из королей не вступил в сражение. Бились не на жизнь, а на смерть только простые воины, гордые оказанной им честью.

Вечером воины расходились, а наутро вновь сходились в жестоких поединках, и так продолжалось много дней. Одного не могли понять фоморы: почему их поломанные мечи, брошенные на поле битвы, так и лежали там и их раненые умирали, не дождавшись рассвета, а у детей богини Дану все было по-другому – и мечи не валялись, и раненые шли утром сражаться как ни в чем не бывало.

А дело было вот в чем. К западу от Маг Туиред и к востоку от Лох-Арбах колдовали над родником Дайансехт и его сын Октруил и его дочь Айрмед. Всех, кого ранили днем, приносили сюда и опускали в воду как мертвых, а из воды они выходили сами на своих ногах, да и сил у них становилось не в пример больше.

С мечами же и копьями управлялись Гойбниу Кузнец да Лухта Плотник, которые умели работать быстрее всех на свете. Кредне Медник не отставал от них, и к утру все поломанные мечи, копья и щиты опять делались как новые.

Фоморы решили послать одного из своих юношей, чтобы он разузнал, как сиды умудряются столь быстро чинить свое оружие и исцелять своих раненых. Выбор пал на Руадана, сына Бреса и Бригит, дочери Дагды, потому что он был сыном и внуком сидов. Руадан ловко справился с тем, что ему было приказано сделать, и возвратился к фоморам. Выслушав его, фоморы решили, что больше всех вредит им Гойбниу Кузнец, и они послали Руадана убить его.

Руадан пришел к Гойбниу и попросил у него наконечник для копья. Потом он попросил у Кредне заклепки и древко у плотника. И все получил. А еще там была Крон, мать Фианлуга, точившая копья.

Руадан взял в руки копье и бросил его в Гойбниу. Он не промахнулся, но Гойбниу вытащил копье и метнул его обратно в Руадана, который тотчас упал замертво. И Брес, и все фоморы воинство видели, как он был сражен и умер. А потом пришла Бригит и оплакала своего

сына. Гойбниу же вошел в родник и вышел из него живым и здоровым. Однако Октрайаллах, сын Индеха, призвал к себе всех фоморов и приказал каждому взять по камню и бросить его в родник. После этого родник пересох, а над ним выросла гора, которую называли Горой Октрайаллаха.

Пока Гойбниу ковал наконечники для копий, дурные слухи дошли до него о его жене. Тяжело стало у него на сердце от ревности, а так как в ту минуту держал он в руках древко копья, то запел заклинания, и, кого бы потом ни поражало копьё, вспыхивал тот ярким пламенем и сгорал в мгновение ока.

Наконец настал день великой битвы. Фоморы покинули свой лагерь и стали тесными рядами. Не было среди них ни вождя, ни простого воина, который не прикрыл бы тело кольчугой, не надел бы на голову шлем, не взял в правую руку тяжелое копьё, не повесил на пояс меч, а на плечо – щит. И идти против них в тот день было все равно что биться головой о стену или нападать на огонь.

Но сиды поднялись и, оставив Луга и девять воинов, стороживших его, вступили в бой. Мидир был с ними, и Бодб Деарг, и Дайансехт. Бадб, Маха и Морриган кричали, что идут с ними.

Трудный был бой. Поначалу тяжело доставалось сидам. Нуада Среброрукий, король Ирландии, и Маха, дочь Эрнмас, пали, убитые Балором, королем фоморов. Октрайаллах убил Кассмайла, и Кейтленн тяжело ранила копьем Дагду.

Но потом Луг убежал от стороживших его сидов и встал во главе воинства, зовя мужей Ирландии до конца защищать родную землю, чтобы никогда больше не быть им рабами чужеземцев. Он запел песню мужества, и сиды с громкими криками вновь бросились в битву.

Много полегло в тот день храбрых воинов, много мужей ушло в стойло смерти. Честь и позор шагали там рука об руку, твердость духа и кровавая ярость. И белая кожа юных воинов была в красной крови. Копья с грохотом бились в щиты, мечи полыхали огнем, кричали воины. Многие скользили в крови и падали под ноги сражавшимся, ударяясь головами о головы убитых, и река уносила тела врагов и друзей без разбору.

Луг и Балор сошлись в бою. От поношений Луга ярость охватила Балора, и он приказал своим воинам:

– Поднимайте мне веко, пока не увижу я того, кто смеет поносить меня.

Воины исполнили его приказание, но Луг метнул в него свое красное копьё и попал ему в глаз, так что оказался он на затылке и поразил трижды девять фоморов. Если бы Луг не выбил Балору глаз, он бы в одно мгновение сжег всю Ирландию. А потом Луг отрубил Балору голову.

Индекс, сын Де Домнанна, упал, и его затоптали до смерти. Кровь пошла у него горлом, и он призвал к себе своего барда Леата Гласа, но бард не в силах был исцелить смертельно раненного героя.

Потом явилась на поле боя Морриган, и сиды с новыми силами бросились на врагов. Как она обещала, она принесла Дагде кровь Индеха.

После этого сиды с легкостью отогнали фоморов к берегу моря. Луг и его воины преследовали их, пока Луг не встал лицом к лицу с Бресом, сыном Элата, и не было рядом с ним защищавших его воинов.

Брес сказал так:

– Лучше тебе пощадить меня, потому что, если ты не убьешь меня теперь, коровы Ирландии никогда не перестанут давать молоко.

– Мне надо испросить совета у мудрецов Ирландии, – ответил ему Луг.

Луг повторил слова Бреса, сына Элата, Маэлтайну Мор-Бретаху Справедливому-В-Суждениях, и он сказал так:

– Не щади его ради этого, потому что нет у него власти над их потомством, хотя есть у него власть над нынешним стадом.

– Если ты пощадишь меня, – во второй раз взмолился Брес, – мужи Ирландии будут собирать урожай четыре раза в году.

Но Маэлтайн сказал так:

– Весна для вспашки и посева, начало лета – для вызревания зерен, начало осени – для уборки урожая, а зима – чтобы есть его.

– И это тебя не спасет, – сказал Луг, возвратившись к Бресу.

Но все же ему не хотелось убивать доблестного мужа, поэтому он спросил:

– Когда ирландцам лучше всего пахать, сеять и убирать урожай?

– Пусть они пахут во вторник, и сеют во вторник, и урожай снимают тоже во вторник, – ответил Брес.

Луг поблагодарил его и отпустил на все четыре стороны.

Во время этой битвы Огма нашел Орну, меч Тетры, короля фоморов, вытащил его из ножен и почистил его. И тогда меч рассказал ему обо всем, что было им совершено, потому что в старину мечи и это умели.

Луг, Дагда и Огма преследовали фоморов, потому что они украли у Дагды арфу, которую звали Уайтне. Когда они примчались в дом пиров, то увидели там Бреса и его отца Элата, а на стене в зале висела арфа, которой Дагда запретил петь, пока он сам не снимет свой запрет. Иногда ее называли еще Дур-да-Бла, что значит «дуб двух цветений», а иногда – Койр-кетаркуин, что значит «четырёхсторонняя музыка».

Едва Дагда отыскал глазами свою арфу, как он сказал:

– Приходи, лето, приходи, зима, устами арф, молочными сосками и бочками вина.

Арфа тотчас прыгнула со стены и метнулась к Дагде, убив по дороге девять человек.

И Дагда сыграл на ней трижды: мелодию сна, мелодию плача и мелодию смеха. Когда он играл мелодию плача, жены плакали, не в силах сдержать слезы, а когда играл мелодию смеха, все жены и дети смеялись, а когда он заиграл мелодию сна, все заснули, и три мужа живыми и невредимыми выбрались из стана фоморов. И тогда Дагда позвал телку, которую получил в плату от Бреса за строительство крепости. Она позвала своего теленка, и на ее зов все ирландское стадо, которое фоморы увели как дань, вернулось на свои луга.

Се, друид Нуады Среброрукого, был ранен в битве и пошел на юг и шел до тех пор, пока не оказался в Карн Коррслебе. Там он присел отдохнуть, измученный ранами, страхом и долгой дорогой, и увидел вдалеке прекрасный луг со множеством цветов, и ему во что бы то ни стало захотелось дойти до него. Он собрал последние силы и побрел к нему, а когда ступил на него, то упал и умер. Там его похоронили, а потом разлилось озеро и затопило весь луг, и теперь это озеро называют Лох-Се.

Из всего воинства фоморов остались в Ирландии всего четыре мужа, которые бродили по стране и портили зерно, и молоко, и дары садов и моря, пока в ночь Самайн их не прогнали с ирландской земли Морриган и Энгус Ог. С тех пор фоморам строго-настрого запрещено ступать на ирландский берег.

Когда сражение закончилось и тела погибших воинов были похоронены, Морриган и горам и рекам поведала о великой победе:

– Мир везде от земли до неба, мир от неба до земли, мир на поднебесной земле! Пусть вечно живут победившие в битве!

Никто не знал, сколько полегло мужей, потому что нельзя сосчитать звезды на небе, снежинки в снегопаде, росинки на траве, или траву под ногами скота, или коней сына Лира в штормовом море.

Луг стал королем над всеми сидами, и свой главный дом он построил в Насе.

Пока он был королем, его приемная мать Таилте, дочь Маг Мор, умерла. А перед смертью она наказала Дуаху Черному, который построил Дом Заложников в Таре, расчистить лес Куан,

чтобы на ее могилу могли приходить все, кто пожелает. Дуах позвал мужей Ирландии корчевать лес и подлесок, и через месяц от леса не осталось и следа.

Луг похоронил Таилте на равнине Мидхе и насыпал над могилой каменный холм, который сохранился и поныне. Он приказал жечь огни и оплакивать свою приемную мать, а еще постановил каждое лето устраивать в память о ней празднества со всякими играми. И это место он назвал ее именем – Таилтен.

А родная мать Луга, прекрасная высокая Этне, после битвы на Маг Туиред приехала в Тару, и он отдал ее в жены Тадгу, сыну Нуады, которому она родила Муирне, мать Финна, и Туирен, мать Брана.

4. Тайный дом Луга

Долго правил Луг, а потом королем Ирландии выбрали Дагду.

Луг покинул Ирландию, и говорили, будто он умер в Уснехе, где сходятся пять ирландских королевств и где в первый раз ирландцы зажгли огонь. Миде, сын Брата, сделал это для сыновей Немеда. Он горел шесть лет, и в каждом очаге Ирландии – искра того огня.

Однако Луга видели в Ирландии в то время, когда родился Кухулин и когда Конхобар и воины Алой Ветви преследовали белых птиц до реки Бойнн. Еще он возвращался и три дня сторожил сон Кухулина во время войны из-за быка из Куальнге.

В третий раз его видел Конн Ста Сражений, и вот как это было.

Когда Конн жил в Таре, он на рассвете ходил в Королевскую Рат, а с ним три его друида – Маол, Блок и Буис – и три барда – Этайн, Корб и Кесарн. Каждый день он поднимался на гору оглядеть со всех сторон Ирландию, чтобы ни один сид не явился в нее незамеченным. В тот день он стоял на камне, который возьми и заскрежещи так, что его слышали не только в Таре, но и в Брегии.

Конн спросил своего главного друида, что это с камнем и почему он скрежещет или кричит так, что его слышно чуть ли не во всей Ирландии. Друид попросил пятьдесят три дня отсрочки, а через пятьдесят три дня Конн вновь задал ему свой вопрос, и друид сказал так:

– Этот камень называют Лиа Файл. Его принесли из Фалиаса, и в Таре он останется навсегда. Но, пока живут в Таре короли, здесь должно быть место для празднеств с играми, и если в последний день празднества не приедет сюда король, то тяжелый будет год для Ирландии. А когда скрежетал камень под твоими ногами, то сколько раз он скрежетал, столько еще будет королей из твоего народа в Ирландии. Только не спрашивай у меня их имена.

Пока они так разговаривали, тьма опустилась на землю и с нею пришел такой густой туман, что никто не знал, в какую сторону идти. Тем временем послышался приближающийся стук копыт.

– Горе нам, – вскричал Конн, – если нас увезут в чужую страну!

Всадник бросил три копыя, и второе было быстрее первого, а третье быстрее второго.

– Никто не смеет бросать копыя в Конна из Тары! – возмутились друиды.

Бросив три копыя, всадник подскочил поближе, почтительно поздоровался с Конном и пригласил быть гостем в его доме. Конн с друидами и бардами отправились в путь и – долго ли, коротко ли – оказались на прекрасном лугу, на котором возвышалась королевская гора, возле входа росло золотое дерево, а внутри горы был просторный дом с крышей из белой бронзы. Они вошли в дом и увидели всадника, который сидел на королевском возвышении, и в Таре не было мужа краше его.

Еще в доме была юная жена в золотом головном уборе. Рядом с ней стояла серебряная бутыль с золотыми ободами, и золотая чаша закрывала серебряное горлышко.

– Кому я должна подать вино? – спросила она.

– Конну Ста Сражений. Он победит в ста сражениях, прежде чем погибнет сам.

Потом он приказал ей налить эль сыну Конна, которого назвал Искусником Трех Криков. А потом назвал имена всех королей Ирландии, которые наследуют Конну Ста Сражений, и сказал, сколько каждому отмерено жизни.

Юная жена отдала Конну бутыль и чашу, а еще по ребру вола и борова. Двадцати четырех футов было ребро вола.

Хозяин дома сказал ирландцам, что юная жена – это вечная королевская династия Ирландии.

– А сам я, – проговорил он под конец, – Луг Длиннорукий, сын Этне.

Гаэлы

Гаэлы

1. Высадка гаэлов

Никто не знает, сколько времени племена богини Дану жили в Ирландии, но, похоже, что долго, однако в конце концов и им пришлось уйти.

К северу от Лейнстера в Инбер Скен в первый раз высадились на берегу Ирландии сыновья Гаэла Сверкающий Меч, очень слабые, как скажут потом о них, и высадились они, чтобы отомстить за Ита, своего соплеменника, который нашел в Ирландии смерть.

Вели их сыновья Майледа, и пришли они с юга, где их друиды сказали им поселиться, пока они не отправятся на западный остров.

– Если вы сами не завоюете его, – сказали друиды, – ваши дети сделают это.

Сиды заметили приближающиеся корабли и сотворили колдовство, окутав остров таким туманом, что сыновья Майледа растерялись, не видя ничего, кроме очертаний большой свиньи.

Не высадившись сразу, сыновья Майледа не ушли домой, а долго еще плыли вдоль берега, пока наконец не остановились в Инбер Скен в западном Мунстере.

Оттуда они добрались до Слиав Мис и там повстречали королеву сидов, окруженную множеством прекрасных жен, а также друидами и мудрецами.

Амергин, один из сыновей Майледа, заговорил с ней и спросил, как ее зовут. Она сказала, что зовут ее Банба, жена Мак Квилла, сына Ореха.

И гаэлы отправились дальше, пока не оказались в Слиав Эйблиу и не повстречали там другую королеву сидов с женами, друидами и мудрецами. Они и ее спросили, как ее зовут, и она ответила, что ее зовут Фотла, жена Мак Кехта, сына Плуга.

Они отправились дальше и, когда оказались возле горы Уснех, увидели, что к ним идет еще одна жена. Они смотрели на нее и не верили своим глазам, потому что она была попеременно то большеглазой прекрасной королевой, то остроклювой бело-серой вороной. Она приблизилась к Эремону, одному из сыновей Майледа, и уселась напротив него, а когда он спросил, как ее зовут, ответила:

– Я – Эриу, жена Мак Грейне, сына Солнца.

Именами этих трех королев часто потом называли Ирландию.

Сыновья Гаэла отправились дальше в Тару. Там три сына Кермайта Медовые Уста, сына Дагды, унаследовавшие королевскую власть, никак не могли поделить между собой доставшиеся от отца сокровища, и многие думали, что рано или поздно это кончится сражением.

Сыновья Гаэла подивились их спору о сокровищах, когда в их власти был такой богатый остров, где солнце не было слишком жарким, и мороз не был слишком жестоким, и вдоволь было меда, и молока, и рыбы, и мяса, и места хватало всем.

В роскоши жили сыновья Кермайта во дворце в Таре, окруженные друидами.

Амергин пошел к ним и сказал, что они должны отдать королевскую власть по доброй воле или сражаться за нее на поле битвы. И еще он сказал, что требует этого в отмщение за смерть Ита, соплеменника гаэлов, который пришел в Ирландию с открытым сердцем и был предательски убит.

Услыхав это, растерялись сыновья Кермайта Медовые Уста, потому что совсем не были готовы к войне, но все же сказали они так:

– Это нечестно, и если ты будешь стоять на своем, наши друиды колдовством погубят и тебя, и всех, кто явился с тобой.

Амергин тотчас приказал всем возвращаться в Инбер Скен, быстро садиться на корабли и по меньшей мере на девять волн уходить в море. А сыновьям Кермайта он сказал так:

– Если можете, не пускайте нас на берег, и тогда мы уйдем и больше не вернемся. Но если сыновья Гаэла все же высадутся, несмотря ни на какое колдовство, тогда сиды отказываются от королевства.

Сидам понравились его речи, потому что они были уверены в своей власти над ветром и морем.

Сыновья Гаэла сделали, как велел Амергин. Они вернулись на корабли, подняли якоря и ушли за девять волн от берега. Едва сиды убедились, что пришельцы покинули их земли, они принялись колдовать, и поднялся ужасный ветер, который расшвырял корабли гаэлов в разные стороны. Однако Амергин знал, что это ненастоящая буря. И Эрранан, сын Майледа, знал это, поэтому он взобрался на мачту, желая поглядеть на море вдаль, но налетел ветер и скинул его вниз. Эрранан упал и тотчас умер. Гаэлы совсем растерялись, потому что корабли швыряло туда и сюда и они едва не тонули.

По воле волн далеко от остальных кораблей оказался корабль, которым командовал Донн, сын Майледа, и его разнесло на щепки. Вместе с ним погибли и Донн, и все его воины, двадцать и четыре мужа и жены.

Ир, сын Майледа, тоже нашел там свою смерть, но его тело море выбросило на берег, и гаэлы похоронили его на острове, который теперь называется Скейлг Михилл. Храбрым воином был Ир, который всегда шел впереди всех в битву, помощником и защитником своим друзьям, одним своим именем наводившим ужас на врагов.

Кермон, еще один сын Майледа, чьи корабли отнесло к берегу, наперекор волнам добрался до него живым в том месте, которое называется Инбер Колпта в память о Колпте Быстром Мече, еще одном сыне Майледа, утонувшем в том месте.

Пять сыновей Майледа погибли от колдовства сидов, и остались в живых всего трое – Кебер, Кермон и Амергин.

Донн утонул, но прежде чем утонуть, он крикнул:

– Предали нас наши друиды! Почему не уgomонят они ветер?

– Никто нас не предал, – сказал Амергин, его брат.

Он встал на палубе и принялся колдовать над волнами и ветром, говоря так:

– Пусть те, кто щедро кормит море, доберутся до берега.

Пусть они найдут себе место на его равнинах и в его горах, в его лесах, где много орехов и ягод, возле его рек и озер.

Пусть поселятся там и посадят своего короля в Таре, и пусть будут там наши короли отныне и на долгие лета.

Пусть сыновья Майледа живут на этой земле и их корабли и лодки найдут приют рядом.

В темноте прозябает земля, что перед нами. Так пусть наши возжи и мудрые жены придут к великой жене Эриу.

Едва он сказал так, ветер стих и волны уgomонились.

Оставшиеся в живых сыновья Майледа со своими воинами высадились на берег в Инбер Скен.

Амергин первый ступил на землю Ирландии, и когда он ступил на землю Ирландии, он сказал так:

Я – ветер морской,

Я – волна морская,

Я – бык семи сражений,

Я – орел поднебесный,
Я – солнечный свет,
Я – прекрасный цветок,
Я – лесной вепрь,
Я – лосось речной,
Я – озеро на равнине,
Я – могучее слово,
Я – наконечник копья в бою,
Я – бог, разжигающий огонь в голове.
Кто посылает свет на горы?
Кто сосчитал годы луны?
Кто знает, где отдыхает солнце?

2. Битва в Тальтиу

После того как гаэлы сошли на берег, три дня они бились с Эриу, женой Мак Грейне, сына Солнца, и ее воинами. Много воинов полегло с обеих сторон, и это была первая битва между сынами Гаэла и племенем богини Дану за владычество в Ирландии.

В этой битве нашла свою смерть Фас, жена Уна, и в память о ней долина, в которой она погребена, названа ее именем – Долина Фас.

И Скота, жена Майледа, нашла свою смерть в этой битве, и ее погребли у северного подножия горы возле моря.

Однако сыновья Гаэла потеряли не больше трех сотен воинов, и они потеснили сыновей Дану, положив тысячу из них.

Эриу пришлось вернуться в Тальтиу, чтобы набраться сил, и, вернувшись, она рассказала своим подданным, как ей не повезло в сражении и как потеряла она убитыми лучших своих воинов.

Гаэлы не стали ее преследовать. Они похоронили своих убитых и с многими почестями предали земле тела друидов Аире и Этиса, которые тоже нашли свою смерть в сражении.

Отдохнув немного, они отправились в Инбер Колпта, что в Лейнстере, и Керемон со своими воинами тоже пришел туда.

Гаэлы послали гонцов к трем королям Ирландии, а с ними – вызов на битву, которая должна решить, кто будет владеть островом.

Короли, призвав к себе самых доблестных героев, явились в Тальтиу, и там сошлись лицом к лицу два воинства. Сыновья Гаэла вспомнили о гибели Ира и, охваченные яростью, так набросились на сидов, что, сколько те ни сопротивлялись, одолели их и прогнали из Тальтиу. Все три короля были убиты в сражении. Убиты были и три королевы Ирландии – Эриу, Фотла и Банба.

Сиды, увидев, что нет больше с ними ни королей, ни королев, побежали с поля боя, и гаэлы долго их преследовали, потеряв в это время Куальнге, сына Бреагана, в Слиав Куальнге и Фуада, его брата, в Слиав Фуаде. Но это их не остановило. Они гнали и убивали сидов, пока те не признали себя побежденными и не отдали гаэлам Ирландию.

Сыновья Майледа поделили ее между собой. Кебер взял себе Мунстер, часть которого отдал Амергину. Керемон взял Лейнстер и Коннахт. Улад был поделен между Эмхиром, сыном Ира, и еще несколькими вождями. Сыновья Эмхира, которых еще звали Детьми Рудрайге, стали прародителями великих героев Ирландии, которые жили в Эмайн Маха девять сотен лет, и среди них были Фергус, сын Ройга, и Конал Кернах – воины Алой Ветви Улада.

Потомком сыновей Ита, первого гаэла, принявшего смерть в Ирландии, был Фиатах Канан, который завоевал всю землю от того места, где солнце восходит, и до того места, где оно заходит, и завладел многими реками, птицами и наречиями.

Барды Ирландии пели, что, если доблестный муж храбр в сражении и немногословен в похвальбе, в его жилах течет кровь гаэлов, а если муж искусен в музыке и тайном колдовстве, то в его жилах течет кровь сидов. Поносили они фирболгов и мужей Домнанда и Гайлеойна за несдержанность на язык, ложь и беззакония. Но и среди них были добрые воины. Один из них – Фердиад, который насмерть стоял против Кухулина в битве за быка из Куальнге. И мужи Гайлеойна храбро бились в том сражении. Все же ирландцы их недолюбливали, поэтому друиды в конце концов изгнали их из Ирландии.

Бессмертные

1. Бодб Деарг

После того как сыновья Майледа разбили сидов, те, не дожидаясь насильственного изгнания, по доброй воле покинули насиженные места, а так как Мананнан, сын Лира, был искусен во всяком колдовстве, то они потребовали, чтобы он отыскал для них безопасные убежища, где можно было бы спокойно жить и не опасаться врагов. И он нашел для них в Ирландии прекрасные долины, после чего поставил кругом невидимые стены, которые для простого смертного были недоступны, а для сидов были словно открытые двери.

Он задал им пир бессмертия, на котором они пили эль Гойбниу Кузнеца, защищавший от старости, болезней и ран, и ели его свинью, которая, сколько ее ни ешь, все равно наутро оказывалась живая в ожидании следующего пира.

Много ли, мало ли прошло времени, наконец сиды решили так:

– Будет лучше, если мы выберем себе короля и он объединит нас всех.

Королем же в то время могли быть и Бодб Деарг, сын Дагды, и Илбрех из Эас Руадха, и Лир из Сид Фуада, Горы Белого Поля, что в Слиав Фуад, и Мидир Гордый из Брай Лейта, и Энгус Ог, сын Дагды, который не домогался королевского звания.

Все вожди, кроме этих, собрались на совет и решили выбрать королем Бодба Деарга из-за его отца и из-за него самого, а еще потому, что он был старшим из сыновей Дагды.

В Сид Фемене у Бодба Деарга был дом, накрепко им заколдованный. Однажды Клиах, арфист короля Трех Росс в Коннахте, пришел к нему просить в жены одну из его дочерей, так он простоял снаружи целый год, играя на арфе, не умея подойти близко к Бодбу или его дочери. Он играл на арфе, пока под его ногами не вышло из-под камней озеро Лох-Бел-Сеад, а было это на вершине горы.

Стадо свиней Бодба пошло на пир Да Деарги, и его визжащая свинья была с ним в ночь, когда Конайр, верховный король Ирландии, нашел свою смерть. Говорят, если идет на пир это стадо, то жди беды.

У Бодба были три сына – Энгус, Эртрах и Аэд, и они обыкновенно жили среди людей во времена фениев. У Эртраха был дом с семью дверями, и он гостеприимно встречал всех, кто бы ни приходил к нему. Сыновья королей Ирландии и Альбана приходили к Энгусу учиться метать копья и стрелы. Многие барды из Альбана и Ирландии жили при Аэде, потому что он был самым красивым из сыновей Бодба, а его дом называли Крепостью Аэда Барда. В самом деле, это была самая прекрасная крепость, в которой росли яблони с золотисто-желтыми яблоками и полыхавшие огнем орехи. Когда же миновали времена фениев, три брата возвратились к своим соплеменникам, детям богини Дану.

И Бодб Деарг не всегда жил в своем дворце, а часто проводил время у Энгуса в Бруг-на-Бойнн.

Эохайд, Фиах и Руайд, три сына Лугайда Менна, короля Ирландии, тоже однажды отправились туда, потому что их отец отказался дать им землю, пока они не покажут себя в сражении. Когда он это сказал, они трое встали как один и умчались прочь, остановившись только на зеленом лугу в Бруг-на-Бойнн, где принялись высматривать, нельзя ли чем поживиться у сидов.

Недолго они там сидели, как увидели, что без тени страха идет к ним красивый юноша. Он приблизился к ним и почтительно пожелал им доброго здоровья, и они ответили ему тем же.

– Откуда ты? – спросили они у юноши.

– Из вон той крепости, в которой горит много огней, – ответил он. – Я – Бодб Деарг, сын Дагды. Пойдемте со мной.

Они пошли следом за юношей, но когда им подали ужин, не притронулись к нему. Бодб Деарг спросил:

– Почему вы ничего не едите?

– Потому что наш отец не дал нам земли, – ответили братья. – У нас в Ирландии два племени – сыновья Гаэла и дети богини Дану, и если одно племя отказалось от нас, мы пришли к другому.

Сиды посовещались, а потом Мидир Желтые Волосы сказал так:

– Мы дадим вам каждому по жене, а там посмотрим, что из этого выйдет.

Сыновья Лугайда Менна взяли в жены трех дочерей Мидира – Дойренн, Айфе и Айлбхе, а Мидир спросил у Бодба, какова будет их брачная доля.

– Я тебе скажу, – ответил ему Бодб. – Здесь нас, королевских сыновей, трижды пятьдесят, так пусть каждый даст трижды пятьдесят унций красного золота. А я еще дам трижды пятьдесят одежд разных цветов.

– И я сделаю им подарок, – сказал один из юношей-сидов с Рахлинна. – Я подарю им рог и бочку. Если они нальют в бочку чистой воды, то она превратится в ней в крепкую медовуху. И рог, если насыпать в него немного соли, тотчас наполнится вином.

– И я сделаю им подарок, – сказал Лир из Сид Фионнахайда. – Пусть берут трижды пятьдесят мечей и трижды пятьдесят длинных копий с острыми наконечниками.

– И я сделаю им подарок, – сказал Энгус Ог, сын Дагды. – Пусть берут себе в любом месте между Рат Хобтайг и Тарой крепость с городом и высокими стенами, в которой много просторных и солнечных домов.

– И я сделаю им подарок, – сказала Айне, дочь Модарна. – Пусть берут себе мою повариху. Она никому никогда не отказывает в еде, но чем больше народу она кормит, тем больше запасов в ее кладовых.

– И я сделаю им еще один подарок, – сказал Бодб Деарг. – Пусть забирают с собой моего музыканта Фертуинна, сына Трогайна. Как бы жена ни мучилась родами, как бы ни страдал воин от ран, стоит ему заиграть, и все спокойно засыпают под его музыку. Куда бы он ни пришел, люди собираются послушать его.

Сыновья Лугайда Менна пробыли в Бруг-на-Бойнн три дня и три ночи, а когда собрались уезжать, Энгус подарил им на прощание три яблони: одну – в цвету, другую – с облетевшими цветами, третью – с поспевшими яблоками.

Они поехали в крепость, которую им подарил Энгус Ог, и крепость им понравилась. Там было много юношей, много лошадей и много борзых. Там играли на арфе и на лютне, там пел сын Трогайна; там тяжело топтали траву кони, там мычал скот и грохотали повозки; там визжали жирные свиньи, шумели люди на лугу и мужи шумели, бражничая в доме. Говорили, что Эохайд никогда не бежал в сражении и в его доме всегда звучала музыка и всегда рекой лился эль. О Фиахе говорили, что он был самым храбрым воином в свое время и никогда не болтал попусту. О Руайде говорили, что он никому ни в чем не отказывал и никого ни о чем не просил.

Когда они почувствовали, что жизнь их подходит к концу, они возвратились к сидам, потому что принадлежали к их племени через своих жен, и там закончили свои дни.

У Бодба Деарга была дочь Скатниам Прекрасный Цветок, которая во времена фениев отдала свою любовь Каойлте, однако их разлучили, и они встретились вновь лишь в старости, когда Каойлте был едва ли не последним живым фением. Она пришла к нему из пещеры в Круахане и потребовала невестину часть, которую он обещал ей, но за которой она не смогла прийти раньше. Каойлте отправился к каменной насыпи неподалеку, в которой было спрятано

много золота, заработанного Конаном Маолом, и он отдал золото дочери Бодба Деарга. А люди дивились на юную деву и немощного старика.

– Нечему тут дивиться, – сказал Каойлте, – потому что я из смертных сынов Майледа, а она из сидов, которые никогда не стареют и не умирают.

2. Мананнан

Мананнан Гордый, сын Лира, покинул Ирландию после того, как поселил в безопасном месте детей богини Дану.

И прошел слух, что он погиб от меча Уйленна Фаэбардерга и что сражались они будто в Маг Куйленн, а похоронили Мананнана стоящим во весь рост после того, как у него под ногами разверзлось озеро, которое называли Лох-Орбсен по одному из его имен. Возрадовался тогда красный Бадб, а многие жены опечалились.

Мананнан же не умер, просто он жил то тут, то там и даже частенько навещал Ирландию. Это он послал гонца к Этайн, матери верховного короля Конайра, когда она жила в забвении в коровнике. И это он привез детей Дейрдре в Яблочную Эмайн, как говорили, «дом мира – гора сидов в Эмайн». И это он научил фения Диармайда владеть мечом, и это он научил Кухулина владеть Каэ Булг, и это он, как говорят, был отцом Дейрдре, и он привел Конхобара, короля Улада, туда, где она пряталась, в обличье оленя убегая от его собак.

Еще говорят, что когда Конхобар привез сыновей Уснеха в Эмайн Маху и не мог одолеть их, к Мананнану он отправился за помощью и советом. Мананнан же отказался помогать ему, потому что с самого начала говорил Конхобару, что из-за Дейрдре начнется междоусобица в его королевстве, а Конхобар не поверил ему и увез к себе Дейрдре. Все же Конхобар попросил его хотя бы на время ослепить сыновей Уснеха, чтобы не погибло все его воинство. И Мананнан нехотя согласился. Когда сыновья Уснеха вновь вышли помериться силой с воинством Улада, напала на них слепота, и, ничего не видя кругом, они побили друг друга. Другие же говорят, что не Мананнан приложил руку к их гибели, а друид Катбад, который напустил на них морскую волну и извел их колдовством.

Еще говорят, что Куланом Кузнецом, который дал свое имя Кухулину, на самом деле был Мананнан, потому что у него было много обличий.

А Кулан, до того как объявиться в Уладе, жил на острове Фалга, в одном из владений Мананнана. Однажды, еще до того, как он стал королем, Конхобар пошел к друиду испросить у него совета, и друид сказал, чтобы он плыл на остров Фалга и просил Кулана Кузнеца, который живет там, выковать для него меч. Конхобар так и сделал, и Кулан обещал выковать для него меч, копье и щит.

Пока он работал, Конхобар оставался на острове, а однажды утром он пошел на берег моря и там увидел спящую морскую жену. Он связал ее, чтобы, проснувшись, она не могла убежать. И когда она проснулась, то стала молить его, чтобы он ее отпустил.

– Я – Тиабхал, – сказала она, – королева моря. Попроси Кулана, чтобы он выбил мое лицо и мое имя на щите. Едва враги увидят твой щит, ослабеют они, зато в тебе и твоих воинах сил прибавится.

Конхобар отпустил ее и повелел кузнецу сделать, как она наказала. А когда он возвратился в Ирландию, щит помогал ему одерживать победу за победой.

Он послал за Куланом и предложил ему выбрать для себя любое место на равнине Муир-темне. И был это Мананнан или не Мананнан, но он учил Кухулина, который жил у него после того, как убил его пса.

У Мананнана были добрые борзые, но однажды они взяли след борова, опустошавшего округу, и преследовали его до озера, а там он сам набросился на них, и ни одна не ушла от него

живой: все были растерзаны насмерть или утонули. Боров же отправился на остров Мук Инис, что значит «остров свиней», а озеро стало называться Лох-Конн, что значит «озеро борзых».

Из-за Мананнана одна из трех великих волн, омывающих берега Ирландии, стала называться Туаг. Вот как это случилось.

Среди подопечных верховного короля Конайра воспитывалась в Таре и Туаг в окружении королевских дочерей, которые должны были опекать ее, пока не призовет ее к себе король. А тем временем Мананнан послал в Ирландию своего ученика Фер Фердиада в женском облике, который явился в Тару, усыпил своей песней Туаг и унес ее в Инбер Глас. Там он уложил ее на берегу и стал искать лодку, чтобы добраться до Берега Бессмертных Жен, но тут накатила волна и утопила Туаг, и в ярости Мананнан убил Фер Фердиада.

А в другой раз три коровы Мананнана вышли из моря в Байле Кронин – рыжая, белая и черная. Постояв немного, словно в задумчивости, они пошли прочь от берега. Велико было изумление ирландцев, которые в то время не знали дорог, когда они увидели, как очищается от травы и утаптывается земля, перед тем как ступить на нее коровам. Около мили прошли коровы рядом, а потом белая направилась на северо-запад в Луимеах, рыжая – на юго-запад на побережье и вдоль моря, а черная – на северо-восток в Лис Мор, что в Портлиу, и каждая оставляла позади себя дорогу, которой и сегодня пользуются в Ирландии.

Говорят еще, что Мананнан пришел к Финну и его фениям в обличье Гиллы Декайра, что значит Злой Слуга, и перенес их в Подводную Страну. Как бы то ни было, он часто охотился вместе с фениями на Кнок Эйн и, бывало, приходил им на помощь.

3. Волна Клиодны

Как-то во времена фениев сын короля уладов Киабхан Кудрявый явился к Мананнану.

Киабхан был самым прекрасным юношей на земле и от остальных королевских сыновей отличался, как луна от звезд. Финн очень любил его, но остальным фениям он слишком досаждал, потому что ни одна жена и ни одна девица не могли перед ним устоять. Пришлось Финну отослать его подальше из страха перед ревностью фениев.

Так Киабхан оказался на Каменном Берегу, который теперь называется Берегом Сильного Мужа и находится между Дун Кобайр и морем. Там он увидел ладью и сел в нее. Юноши, которые пришли с ним, спросили его:

– Киабхан, ты хочешь покинуть Ирландию?

– Хочу, – ответил им Киабхан, – потому что в Ирландии нет у меня ни дома, ни защиты.

Он попрощался со всеми и покинул опечаленную свиту, потому что расстаться с ним значило для них все равно что расстаться с жизнью.

Киабхан плыл по морю, а над его головой поднимались с грохотом белые волны, и каждая была с гору, да с боков высывались из воды великолепные лососи, которые не плавают там, где мелко. Испугался Киабхан и вскричал:

– Клянусь, будь я на земле, смог бы я защитить себя!

Так он плыл, пока не увидел приближающегося к нему на темно-сером коне всадника, который держал в руках золотую уздечку и то опускался в море на глубину девяти волн, то поднимался на десятой волне, не намочив платья.

Он спросил Киабхана:

– Чем отплатишь ты тому, кто тебя спасет?

– Отдам все, что у меня есть.

– Тогда придется тебе послужить тому, кто тебе поможет.

Киабхан согласился, и всадник взял его за руку, усадил на своего коня и поскакал к берегу, а ладья поплыла за ними следом. В конце концов они оказались на берегу Тир Тайргир, что значит «земля обетованная». Там они спешили и пошли к Лох-Лухра, что значит

«озеро гномов», в город Мананнана, где в честь гостя был задан богатый пир, на котором красивые юноши дули в роги и перебирали струны арф, пока весь дом не наполнился музыкой.

А потом пришли шуты на высоких каблуках – тощие, рыжие, плешивые, – которые творили всякие чудеса. Один из них брал девять прямых ивовых прутьев, подбрасывал их под самую крышу, а потом одной рукой ловил их, стоя на одной ноге. И все думали, будто чужеземцы не умеют делать ничего подобного, поэтому просили каждого гостя попробовать и смеялись его неудаче.

На том пиру Киабхан был прекраснее всех сынов Дану и всех сынов Гаэла, но еще он сумел поймать все девять прутьев, как будто только и делал всю свою жизнь, что ловил их.

У Гебанна, главного друида Мананнана, была дочь, которую звали Клиодна Светловолосая и любовь которой еще не сумел завоевать ни один юноша. Однако стоило ей увидеть Киабхана, как она забыла обо всем на свете и согласилась бежать с ним.

Они тайком пришли на берег, сели в ладью и доплыли до берега Тэйт на юге Ирландии. В честь Тэйт Брек Веснушчатой он получил свое имя, которая пришла играть сюда с волной, а с ней трижды пятьдесят девиц, и все они утонули в море.

Киабхан вышел на берег и отправился в лес за оленем, а девицу оставил на берегу в ладье.

Он не знал, что воины Мананнана преследовали их на сорока кораблях, а Ихну, незаметно оказавшись в ладье рядом с Клиодной, стал играть на арфе и играл до тех пор, пока Клиодна не заснула. Тогда набежала большая волна и унесла ее в море.

С тех пор волну зовут именем Клиодны Светловолосой.

4. Кондла

Говорят, что Мананнан послал гонца к Кондле Рыжеволосому, когда покинул Ирландию, потому что в его страну отправился Кондла. Вот как это было.

Однажды он вместе со своим отцом Конном, королем Тары, стоял на горе Уснех и неожиданно увидел приближавшуюся к нему жену в невиданных одеждах.

– Откуда ты? – спросил ее Кондла.

– Из Тир-Нам-Бео, что значит Страна Вечноживущих, где никто не знает смерти. Пир у нас никогда не кончается, и мы все делаем, что нам нравится, никогда не ссоримся между собой, и называют нас сидами.

– С кем ты разговариваешь? – спросил сына Конн, потому что никто, кроме Кондлы, не видел жену.

– Он разговаривает с женой, которой не грозят ни старость, ни смерть, – ответила она. – Я приглашаю твоего сына в Маг Мелл, что значит Равнина Радости, где живет наш король и где он тоже станет королем, не зная ни горя, ни беды. Идем со мной, Кондла Рыжеволосый, идем со мной, веснушчатый и краснощекий Кондла, и ты навсегда останешься юным и красивым.

Все слышали слова жены, хотя никто не видел ее, и Конн попросил друида Корана:

– Помоги мне, Коран, многосведущий в колдовстве. Давно я стал королем, но ни разу мне не приходилось противостоять ни такой силе, ни такой мудрости. Вышла против меня невидимая королева, чтобы увезти от меня моего красивого сына, и одними словами вырвет она его из рук короля.

Коран принялся колдовать против жены, чтобы никто не слышал ее голос, а Кондла и не видел ее. Однако перед тем как удалиться, она бросила Кондле яблоко.

С тех пор целый месяц Кондла ел только одно это яблоко и больше ничего не ел и не пил, но яблоко не уменьшалось и не сморщивалось. И он не мог забыть жену, которую видел на горе Уснех.

Миновал месяц, и Кондла вместе со своим отцом был в Маг Архоммин, когда вновь увидел приближающуюся к нему жену.

Она сказала:

– Высокое место занимает Кондла среди смертных людей, но и его ждет смерть впереди. А Вечноживые зовут тебя к себе стать во главе мужей и жен Тетры и любят тебя каждый раз, когда здесь собираются вместе твои милые друзья.

Король Конн услышал голос и крикнул своим слугам:

– Зовите сюда друида Корана! Опять здесь невидимая жена!

А жена сказала так:

– О Конн Ста Сражений, жители Трайг Мог недолюбливают друидов, и где они властвуют, там друиды молчат.

Тогда Конн повернулся к своему сыну.

И Кондла сказал ему так:

– Мой народ милее мне всех других народов на земле, но печаль поселилась в моем сердце из-за прекрасной жены.

И жена из племени сидов сказала ему:

– Взойдем со мной вместе на корабль. Ты полюбишь мою страну. Солнце уже клонится к закату, но мы будем в ней до ночи. Еще ни один муж не пожалел, увидев ее. Живут в ней лишь жены и девицы.

Едва жена умолкла, как Кондла бросился прочь от отца и одним прыжком оказался на борту сверкавшего корабля. Оставшиеся на берегу видели, как он удаляется, словно в тумане, а потом он вовсе исчез с глаз.

Никто больше не слышал о Кондле, и только боги знают, куда уплыл корабль.

5. Тадг на островах Мананнана

Еще один герой отправился в Страну Вечноживущих, но он возвратился оттуда. И звали его Тадг, сын Киана, сына Олайолла. Вот как это было.

Однажды Тадг отправился в западную часть Мунстера как наследник своего отца, и с ним вместе были его братья Айрнелах и Эоган.

В это же время Катманн, сын Табарна, короля прекрасной страны Фресен, что находилась к юго-востоку от Великой Равнины, со многими мужами и женами на девяти кораблях бороздил морскую даль в поисках приключений. Он пристал к берегу в Бейр-до-Бхунадас, к западу от Мунстера, и, не заметив ничего необычного, сошел с корабля, а потом, не дожидаясь, когда жители учуют неладное, его воины окружили всех мужей, жен и весь скот в том месте. Либан, жена Тадга и дочь Конхобара Абратрудха Краснобрового, и два брата Тадга, не считая многих других мужей и жен Мунстера, были захвачены чужеземцами и увезены во Фресен.

Катманн взял Либан в жены, а обоих братьев Тадга послал на тяжелые работы. Эоган должен был стать обыкновенным перевозчиком через реку, а Айрнелах – заготавливать хворост и поддерживать огонь во всех очагах в стране. Платили же им лепешками и мутной водой.

Тадг спасся только благодаря своей храбрости и искусному владению мечом, однако спасение было ему не в радость: очень он горевал по жене и братьям. У него было сорок воинов, из которых каждый убил по одному чужеземцу, а одного они привели к Тадгу живым, и он рассказал ему о стране, из которой был родом.

Едва Тадг выслушал его, как решил немедленно ехать во Фресен, а для этого приказал готовить ладью, которая сможет выдержать долгое путешествие. Когда ладья была готова, ее обшили прочной красной кожей, на которую пошло сорок бычьих шкур, поставили в ней мачту и натянули парус, а еще в нее сложили много мяса, вина и одежды, чтобы всего хватило не меньше, чем на год.

Перед выходом в море Тадг сказал своим воинам так:

– Негоже нам бросать своих соплеменников в беде, так что придется нам плыть в далекую страну, что бы ни ожидало нас там.

Они отправились в путь, и море встретило их неприветливыми большими волнами, которые тотчас закрыли от них родную землю, и они могли видеть только верхушки гор. Когда они были уже далеко, то услышали пение незнакомых птиц, которые появились большой стаей, а по обеим сторонам прыгали в волнах дружелюбные белогрудые лососи, и большие черные тюлени сопровождали ладью, осыпаясь брызгами из-под весел, следом за которыми плыли киты, на которых любили смотреть юные воины, никогда прежде не видевшие китов.

Двадцать дней и двадцать ночей они плыли по морю, пока не увидели вдали берег, и пристали к нему. Вытащив из воды ладью, они разожгли костры, приготовили еду, поели и улеглись спать на мягкую траву.

Едва взошло солнце, Тадг поднялся и в полном вооружении отправился с тридцатью воинами осматривать остров.

Они обошли его весь, но не встретили ни одно живое существо, кроме сбившихся в отары овец, которые могли сойти за лошадей и весь остров покрыли своей шерстью. Одна отара была многочисленнее других, и бараны в ней показались пришельцам больше других, а у самого большого было девять рогов, и он бросился на воинов Тадга и стал их бодать.

Ярость охватила ирландцев. Закрывшись щитами, они пошли на барана, но он пробил пять щитов, прежде чем Тадг взялся за копье, от которого не было спасения, и убил барана. Потом его принесли на берег, где стояла ладья, и сварили на ужин. Три дня и три ночи оставались ирландцы во главе с Тадгом на острове, и каждый вечер у них был баран на ужин. А еще они собрали много шерсти, потому что она была такой красивой, какой они еще никогда не видели.

Воины Тадга отыскивали на острове кости людей-великанов, но умерли они от болезни или были убиты баранами – этого им не пришлось узнать.

Через три дня они покинули остров и плыли до тех пор, пока не показались два острова, на которых были большие стаи необычных птиц, похожих на черных дроздов, но больше орлов и журавлей, и головы у них были красно-зеленые, а яйца они высиживали сине-красные.

Воины набросились на птичьи яйца и едва съели их, как покрылись перьями с головы до ног, но стоило им искупаться в море, тотчас перья отвалились – и они вновь стали такими, как были прежде.

Дорогу им до этого острова показывал чужеземец, которого они прихватили с собой и которому приходилось прежде плыть этим курсом. А потом они плыли шесть недель, не видя ни клочка суши, и чужеземец сказал так:

– Мы вышли в океан. У него нет ни конца ни края.

В это время ветер зашумел, словно по морю зашлепали сотни ног, и стал поднимать волны выше самых высоких гор. Испугались воины Тадга. Но Тадг воззвал к их мужеству:

– Юноши Мунстера, – сказал он, – храбро сражайтесь за свою жизнь с валами, которые преграждают нам путь и бьются в борта нашей ладьи.

Тадг встал с одной стороны, его воины с другой, и ему удалось обойти двадцать девять волн, не замочив одежд. А чуть погода добрый ветер расправил паруса, понемногу успокоился океан и запели вокруг невиданные птицы. Впереди была земля, и, увидев удобную гавань, воины Тадга вновь расхрабрились и повеселели.

Подойдя поближе, они разглядели устье реки, зеленые берега и песчаное дно, сверкающее как серебряное, а в воде – лосося с красными пятнами. Поодаль стеной стояли леса и деревья краснели своими верхушками.

– Красиво здесь, – сказал Тадг. – И счастливы те, кто тут живет. А теперь вытаскивайте ладью на берег и сушите ее.

Двадцать воинов пошли с Тадгом в глубь острова, а двадцать воинов остались присматривать за ладьей, и, несмотря на испытанные ими холод и страх, им вовсе не хотелось разжигать костер и готовить еду, словно аромат красных веток насыщал их досыта. Тадг с воинами прошли через лес и вышли к саду, в котором росли яблони, увешанные красными яблоками, зеленые дубы и желтые орехи.

– В нашей стране сейчас зима, – сказал Тадг, – а здесь лето в разгаре.

Кругом них все было прекрасно, но они пошли дальше через другой лес, в котором пахло еще слаще и ягоды были еще краснее и каждая с голову воина. Клевали ягоды невиданные птицы, от которых исходило сияние. Были они белые с красными головками да с золотыми крыльями и так нежно пели, что больные и раненые от их пения должны были засыпать здоровым сном.

Тадг и его воины шли все дальше, пока не увидели впереди бескрайний луг в цветах, над которым стоял запах меда. На лугу были три горы, и на вершине каждой – неприступная крепость. Едва они приблизились к первой горе, как откуда-то появилась белокожая жена, прекраснее которой не было на земле, и сказала так:

– Добро пожаловать, Тадг, сын Киана, на всех хватит у нас еды и вина.

– Благодарствую, – отозвался Тадг. – Только скажи мне, сладкоречивая жена: чья это крепость на горе со стенами из белого мрамора?

– Эта крепость принадлежит королям Ирландии от Керемона, сына Майледа, до Конна Ста Сражений, который пришел сюда последний.

– А как называется здешняя страна?

– Иннислоха, что значит «остров на озере», и правят здесь два короля – Рудрах и Дергрох, сыновья Бодба.

Она поведала Тадгу обо всем, что происходило в Ирландии вплоть до прихода сыновей Гаэла.

– Славно, – одобрил ее рассказ Тадг. – Но скажи мне, кто живет в крепости, что находится на горе посередине.

– Этого я тебе не скажу, – ответила белокожая жена. – Иди туда, и сам все узнаешь.

Она покинула их и возвратилась в крепость с беломраморными стенами.

А Тадг и его воины отправились дальше и подошли ко второй крепости, возле которой их встретила прекрасная королева в золотом платье.

– Доброго здоровья тебе, Тадг, – сказала она.

– Спасибо.

– Давно уже было предсказано твое путешествие в наши края.

– Как тебя зовут? – спросил Тадг.

– Сезайр, – ответила королева. – Я была первой, ступившей на землю Ирландии. С тех пор я и воины, которые пришли со мной из недоброй страны, живем здесь и будем жить здесь всегда.

– Скажи мне, – попросил Тадг, – кто живет в этой крепости?

– Скажу. Тут живут все короли, вожди и герои, которые прославили себя в Ирландии. Тут живут Парфелон и Немед, фирболги и сиды.

– Славно, – отозвался Тадг.

– Славно, – повторила королева. – Это четвертый рай на земле, а другие – Иннис Далейб на юге, Иннис Эркандра на севере и рай Адама на востоке земли.

– А кто живет в крепости с серебряными стенами?

– Этого я тебе не скажу. Иди туда, и сам узнаешь.

Тадг и его воины направились к третьей крепости и нашли на вершине горы красивую лужайку, на которой можно было отдохнуть, а на ней – юношу и девушку, прекраснее которых не сыщешь на земле, с волосами гладкими и блестящими, как золото. Одеты они были в оди-

наковые зеленые платья и походили на брата и сестру. На шеях у них были золотые цепочки, с которых свисали золотые ленточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.